

Александр
Ростовский

PEOPLE
LIVE HERE

здесь живут люди

18+

Александр Ростовский

Здесь живут люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36979464

SelfPub; 2018

Аннотация

Герои этой книги умерли ещё до её начала. Но их история на этом не закончилась. Она продолжилась за чертой, за которую мы так боимся и так хотим заглянуть. Простой парень Данте, не смотря на свой молодой возраст, уже успел разочароваться в жизни. Он лишь хотел делать добро и помогать другим, но они, получая своё, всегда от него отворачивались. Данте так и не смог поладить с этим жестоким несправедливым миром и свёл счёты с жизнью. Однако вместо долгожданного избавления он нашёл только бескрайнюю тьму. Тёмная бездна холодна. Она зловеща и коварна. Но не пуста. В ней живут люди.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

107

Пролог

*And I burned every picture of yours
Was that not enough?*¹

Полуденный холодный свет льётся сквозь моё окно. Этот день так прекрасен. На самом деле в этом грязном мире много прекрасных вещей. Жаль, что приходится смотреть на них сквозь призму своей меланхолии. Умом ты понимаешь всю эту прелесть. Только не способен ощутить. Словно отраву, внутренняя скорбь извращает этот мир и преподносит его тебе зловонным куском гнили. Я насквозь пропитан этим ядом.

Моё время пришло. Так ли это? Мне ли это решать? Конечно только мне. Остальные отвернулись. Даже мой Бог. Он видел, как я сломался. Возможно, Он единственный. Наверное, я сделал в этой жизни всё, что мог. Не для себя. Для других. Просто приходил, понимал их и всегда находил, чем помочь. А потом? Просто уходил. Никто не останавливал меня. Да и зачем им это... Когда всё было плохо, я мог быть спасителем. Мне удавалось справиться с этой ролью. И когда они становились счастливыми, я оказывался чужаком. Дело не в них, нет. Во мне. С самого начала. Я всегда был чужим в этой жизни. В их жизнях. Но, тем не менее, я оставался человеком. Простым человеком. Мне хорошо удавалось разобраться в чужих проблемах, но не в своих. И они просто сло-

¹ Здесь и далее цитаты из песни группы Rise against «People live here»

мали меня. Только рядом не оказалось спасителя. Никто не хотел этого брать на себя. Я никого не винил. Зачем им спасать кого-то чужого?

И что теперь? Вот уж не думал, что когда-нибудь дойду до такого. Раньше для меня это было табу, а сейчас похоже на единственный выход. Говорят, это страшный грех. Но на моей совести и так грехов хватает. Разберусь с этим позже, по ходу дела. В принципе, как и всегда.

Тишина. Каждую секунду она разбивается тиканьем настенных часов. Когда начнётся мелодия, отступать будет поздно. Но я точно не буду этого делать, глядя в глаза тишине. Подобно хитрому демону она нашёптывает мне свою волю. Но это не её воля. Сегодня тишине суждено быть всего лишь падальщиком, который устроит себе пир на останках.

В моей руке лежит стальной балисонг, нож-бабочка. Парой ловких движений кисти я обнажаю лезвие. Рука ещё помнит, как это делается. До сего я момента я пользовался этим ножом всего единожды, более пяти лет назад. Тогда он оставил глубокий след на коре старого клёна. Знак бесконечности в виде двух соединённых сердец. Символ нашей первой любви. Только она давно забыта. Нами обоими. Тогда мы были всего лишь подростками. Но и я, и она выросли, изменились. Больше не знаем друг друга. Может так даже лучше. А лезвие осталось острым, хоть совсем и не использовалось с той поры. Пришло его время послужить в последнем деле.

Вид из моего окна не менялся. Никогда за последние два-

дцать с лишним лет. Вновь зима. И снова полдень. Всё прямо как в детстве, когда я возвращался домой после школы. Как же всё тогда было просто. Как легко решались те проблемы. Может, на пару дней я бы и хотел вернуться в прежние годы. Но как не пытался, вернуть старые детские ощущения, мне не удалось. А почему? Наверное, тогда я был счастлив. Для счастья мне хватало того, что я имел. Но некоторые отголоски всё же слышались. В этой мелодии. «Falling» Анджело Бадаламенти. Заглавная тема из старого сериала «Твин Пикс». Именно она вызывала хаотичную череду тёплых воспоминаний из моих прошлых лет. Почему именно эта мелодия? Трудно сказать. Может потому что я ребёнок 90-ых. В любом случае, уйти я хотел под неё, тихо и медленно. С этим хороводом памятных образов перед глазами. Но не со скорбью. Её и так было много при жизни.

Ясный зимний полдень за окном, старая добрая комната, убаюкивающая своей «настольгичностью» мелодия, мои воспоминания и никакой печали. Холодное лезвие ножа на руке, в двух-трёх сантиметрах от ладони. Знаю, будет больно. И я не люблю вид малого количества крови. Но теперь это уже не важно. Острие движется, ведя за собой тонкую красную полосу. Мне пора. Было всё-таки нечто особенное в этом моменте. Нечто тёплое и уютное. Жаль, больше не получится повторить. У меня остаётся не так много времени. Надеюсь, успею дослушать мелодию до конца. Тьма всё ближе. Будто солнце снаружи спряталось за облаком. Но сего-

дня на небо абсолютно ясное. В этот раз тёмный вечер наступает куда быстрее. Боль ослабевает. Как и моё тело. Я будто засыпаю. Чувствую, как тёплая кровь стекает по руке. По пальцам. Воспоминания перед глазами продолжают сменять друг друга, повинаясь порывам души, что подстраиваются под ритм мелодии. Будто нарезка лучших моментов из какого-то сериала. Это жизнь проносится перед моими глазами, перепутав местами все дни. Успею ли я перед последним вздохом осознать, что натворил?

Тьма полностью окутала всё вокруг. Полуденный свет угас. Будто этот мир умирает вместе со мной. Вот он, мой личный безмятежный Судный день. Я с трудом распознаю очертания тех предметов, что до последнего момента окружали меня. Но и их контуры стираются. Тьма. Издалека всё ещё доносятся последние слова этой песни... Услышу ли я их когда-нибудь вновь? Falling... Слишком поздно что-то менять... Falling... Но я не жалею... Are we falling in love? Мелодия затихала... Falling... Falling... Вот и всё. Falling... Мне пора. Falling in love... За ней пришла тишина.

Глава I

Кромешная тьма. Что это? Моя могила? Или Ничего, в которое мы попадаем после смерти? И что, ни Рая, ни Ада? Никакого Суда? Просто тьма? Пустота? Все эти вопросы проносились в моей голове, пока я лежал на спине и смотрел в

непроглядное ничто. А вдруг мне не удалось? И я ещё жив? И пока нахожусь здесь, где-то «Между», меня удастся кому-то спасти? Нет. Наихудший исход. Кошмарный стыд. На меня будут смотреть, как на несостоявшегося самоубийцу. Какой позор... Но где же я всё-таки?

Земля подо мной была твёрдой. Но не жёсткой. Не холодной. И не тёплой. А ещё... я чувствовал траву. Моя левая рука сжимала листья. Наверное, листья. На ощупь они тоже были никакими, будто вырезанные из бумаги или каких-то полимеров. Значит, это не абсолютная пустота. Или я просто ослеп? Хотя нет. Эта тьма. Она была... Была будто бы осязаемой. Словно пыль, она залетала мне в нос. Я вкушал её. Чувствовал, как она оседает на моей коже. И тишина. Здесь было так тихо и спокойно. Наверное, это даже странно, я не понимал, получил ли я то, чего хотел. По сути я прибывал Нигде. Но внутри ощущал то, чего искал. Покой. Никакой боли, ни физической, ни душевной. Никакой суеты. Только тишина. Убаюкивающая пустота. Я уже начал думать, что вот такая она, жизнь после смерти, мы просто находим упоение в этой тьме. Пока не забываемся. Пока не теряем себя. И растворяемся в ней. Но...

Яркий голубой свет ударил мне в глаза и ослепил. Правой ладонью я прикрыл лицо. Сверху послышался милый старческий голос:

– Здравствуй, друг мой. С прибытием!

Я отвёл руку в сторону и взглянул на незнакомца. Это был

маленький пухленький, лысеющий старичок, в жилетке, пригалстук и с круглыми очками на лице. В вытянутой руке он держал старомодный стеклянный фонарь, из которого лился этот призрачный ослепляющий свет. Незнакомец широко улыбался и протягивал мне свободную руку:

– Давай, поднимайся, не целую же вечность тебе тут лежать.

Я ухватился за его старческую ладонь. И почувствовал то же самое, что и сжимая траву. То есть ничего. Рука не была ни холодной, ни теплой. Будто рукопожатие восковой фигуры. Встав на ноги, я возвысился над старичком на добрую треть. Он оценивающе провел по мне взглядом сверху вниз и обратно:

– Ох, такой молодой... Ладно, пойдём.

Неизвестный повертелся на месте из стороны в сторону, будто вспоминая, откуда пришёл. Свет его фонаря немного разогнал тьму вокруг, и я окончательно удостоверился, что мы находимся не в абсолютной пустоте. Голубое пятно выхватило из черноты несколько деревьев. Старичок, прищурившись и сморщив нос, будто пытаясь удержать сползающие очки, остановил своё внимание на одной из сторон, предельно вытянув руку с фонарём вперёд, стараясь осветить там что-то.

– Так вот же она. – Сказал он скорее себе, чем мне, а потом махнул рукой, приглашая проследовать за ним.

Конечно, это всё выглядело странно. И подозрительно. Но

я был опустошён и совершенно не понимал, что происходит. Вообще ничего. Да и выбором особо не располагал. Разве что остаться здесь, дальше лежать на этой никакой траве, наслаждаться абсолютной безмятежностью. В конце концов, разве ни этого я желал? Но всё же, этот некто был прав, я не мог тут лежать целую вечность, так что двинулся за ним, в надежде, что хуже не станет.

Мы шли по едва различимой тропе. На пути встречалось много деревьев. Судя по всему, это был лес. Когда-то я уже бывал в лесу. С моим тогда ещё живым дедушкой. Осенью. В царствующей желтизне. Прекрасное беззаботное время. И прекрасное место. Но этот лес вовсе не такой. Он полый. Так же как и трава, и деревья, что в нём растут. Ни единого звука. Ни птиц, ни сверчков, ни шелеста листьев. Даже наших собственных шагов не было слышно. И тьма. Сейчас мне казалось, что единственное светило в этом мире, это призрачный фонарь вот этого старика.

– Лес, который окружает нас, если можно назвать его «лесом», не такой пустой, как кажется на первый взгляд. – Начал он, семена на пару шагов впереди меня. – Но, ни я, ни кто-то другой тебе не скажет, кто или что в нём обитает. Мы не видели. Может, это всего лишь наши иллюзии. Или страхи... Что-то в нём точно есть. Так что, пожалуйста, не отходи далеко от меня и света фонаря. Конечно, вряд ли тебя тут кто-то съест. А вот потеряться в темноте, раз плюнуть.

Кем же был этот славный малый на самом деле? На вид

милый старикашка. Но это место было незнакомо мне. В смысле, по-настоящему незнакомо, нечто неведомое человеку ранее. Может, он всего лишь проводник? Сквозь тьму, в иной мир?

– Знаю, знаю, в твоей голове вертится много вопросов. – Будто старичок услышал мои мысли. – Чтобы как-то скрасить путь, отвечу тебе на самые основные. Ну, насколько я сам осведомлен, конечно. Да и не молчать же нам всё это время. Честное слово, тишина меня убивает. – Он иронично хохотнул своим скрипучим старческим голосом. – Во-первых, позволь мне представиться, меня зовут Гензель. Да-да, как в той сказке братьев Гримм «Гензель и Греттель». Во-вторых, я здесь потому же, почему и ты, как и все в принципе. В-третьих, это место... Это Тьма. Ну, по крайней мере, мы её так называем, думаю, нетрудно догадаться, почему. И теперь она твой новый дом.

– То есть, я здесь потому что...

– Да, да. Именно из-за этого.

– Вы сказали, что вы тоже...

– Да, я тоже. – Ответил он несколько раздраженно, не позволив мне закончить вот уже во второй раз. – Но вот тебе совет, мой новый друг, если ты не хочешь здесь кого-то расстроить, никогда с ними не говори об этом.

– А вас здесь много?

– Во-первых, не «вас», а «нас». Во-вторых, нет, совсем немного. Что, кстати говоря, весьма странно. Ведь ежеднев-

но так много людей идут на этот ужасный отчаянный шаг. Но Тьма вероятно большая, может даже бесконечная. Где-то должны быть и другие.

— Значит, я теперь один из вас. — Заключил я сам для себя.

— Именно так. Ты принял решение присоединиться к нам ещё в том мире, прежде, чем приложил к рукам лезвие. Да, я знаю это. Увидел шрамы на твоих запястьях, когда ты там лежал. И знаешь, здесь эти следы не исчезнут никогда. Некоторые стараются скрыть их под одеждой. Но у каждого обязательно найдётся свой шрам. Это, друг мой, мир проклятых. Данте не писал о нём в своей поэме...

По пути я всматривался в освещаемые деревья, пытался увидеть среди них хоть что-то... Но даже их расположение в отношении друг друга было непривычным. Будто лишённым жизни. Искусственным. Длинные стволы, уходящие ввысь. Где-то там, скрытые от глаз, начинались сплетения ветвей. Не сразу, но до меня дошло, чего же искусственного было в них. Эти деревья, они ровные, абсолютно ровные. И от того совершенно одинаковые. Я задрал голову вверх, желая разглядеть те самые ветви. Но, увы, они терялись в темноте. Свет этого фонаря был не способен распространяться на столь большое расстояние. Зря я задираю голову так высоко, высматривая то, что было недоступно глазу. Следовало смотреть под ноги. На пути моём очень не вовремя возникла какая-то коряга. Зацепившись за неё ногой, я стремительно опустился вниз. Именно опустился, а не упал. Увидел лишь,

как светлое пятно молнией промелькнуло передо мной, и вот я уже стою на коленях. Но не почувствовал боли. Будто сам резко опустился на четвереньки. Это ощущалось весьма странно. Гензель обернулся, прежде чем отошёл слишком далеко, чтобы тьма меня успела поглотить:

– Ох, осторожнее надо быть. – Он поспешил ко мне. Но я к тому времени успел подняться на ноги без чужой помощи. – Будь предельно внимателен. Это коварное место. Идём. Больше не покидай света. И не глазей по сторонам. Смотреть тут всё равно особо не на что.

– Вот именно. Всё здесь будто старается выглядеть не таким, коим является.

– Тебя ждёт, ещё много открытий. Пока не спеши с этим. Кстати, как твоё имя?

– Я не хочу называть его. Не хочу даже вспоминать о нём.

– Что ж, твоё право. В любом случае, все мы тут хотели бы забыть о прошлом, о том, кем мы были. Но называть тебя как-то всё-таки надо. И раз уж мы вспомнили об итальянском поэте, то чем я сейчас не Вергилий, ведущий тебя сквозь Чистилище? – Гензель снова скрипуче посмеялся, но в этот раз его смех звучал совсем добродушно и даже успокаивающе. – Правда, вывести тебя отсюда в лучший мир, я не обещаю, Данте. Нууу, как тебе такое новое имечко?

– Мне нравится. Куда лучше моего предыдущего.

– Вот и отлично. Не забудь представиться всем, как мы придём. Кстати, уже почти.

Воздух в этом месте казался холодным. Но холодной была и пустота внутри меня. Так что они не вступали друг с другом в противоречие. Гензель неплохо ориентировался в этом лесу. После того, как он сказал, что мы уже близко к чему то, прибавил шагу. Старик был довольно шустрым для своего возраста. Мне пришлось немного ускориться, чтобы нагнать его. И вот деревья закончились. Но на смену им ничего не пришло, лишь бесконечные просторы черноты. Я оглянулся назад и в темноте не увидел того леса, из которого мы вышли. Повернувшись обратно, я лишь посмотрел вслед старичку, который спешно семенил вперёд. Потом обернулся и снова позвал меня за собой жестом руки. Поравнявшись, мы сделали ещё с десятков шагов вместе. И тогда я увидел... Мы стояли на краю холма. Сверху открывался вид на маленькое селение, освещённое множеством голубых призрачных огней. Всего несколько домов. Будто кусочек привычного людского существования посреди бездны. Для человека, стоящего рядом со мной это место было родным. «Может и для меня когда-нибудь станет родным», – подумал я. В любом случае не самое худшее место, куда можно попасть после такой смерти. Было в нём какое-то своё очарование.

Гензель осмотрел открывшийся с холма вид, будто в первый раз, а затем повернулся ко мне, освещая свою добродушную приветливую улыбку:

– Добро пожаловать домой, Данте. Здесь тоже живут люди.

Глава II

Центром этого мрачного поселения служило маленькое восьмиугольное здание, напоминающее часовню, однако на её куполе не имелось никаких опознавательных знаков. На каждой стене висело по одному фонарю, источающему призрачный голубой свет. Ими же были увешаны и другие небольшие дома, построенные вокруг этой часовни. Но окрестность пока не была полной, не хватало пары домов, чтобы замкнуть её. Так что это место скорее напоминало букву «С», с точкой по центру пустоты. Помимо часовни строений было немного, все одноэтажные, но при этом вытянутые в длину, из-за чего напоминали большие деревянные вагоны. Со стороны это выглядело как старое очень компактное село. За исключением одного момента. Его окутывала тьма. Эти фонари как-то разгоняли пустоту вокруг, но, судя по всему, их свет был единственным доступным местным жителям. Никого из людей увидеть не удалось, из-за чего селение выглядело безлюдным и жутким. Непоколебимая тишина дополняла эту полую картину. Безмолвие было настолько абсолютным, что могло показаться, будто я оглох. Гензель же уверял меня в обратном. Не то чтобы он болтал без умолка, но поговорить точно любил. А я наоборот всё больше молчал. Да, неловко лишний раз оставлять собеседника без внимания, но сейчас я был настолько опустошён,

что почти не находил слов. Едва удавалось наскрести ответы на самые простые вопросы или лишний раз вставить что-то вроде «ага», чтобы совсем не прослыть замкнутым букой.

– Отсюда это место похоже на ночной кошмар, не правда ли? – Старик улыбнулся мне снова. А может улыбка никогда и не сходила с его лица. Я знал его не более часа, а уже задался вопросом, как такой жизнерадостный человек мог оказаться в этом месте, не утратив во мраке своего оптимизма. – На самом деле оно не так безжизненно, как кажется. Мы всячески изображаем жизнь, как можем. – Он хохотнул. – Просто делаем всё то же самое, что делали когда-то, хоть здесь эти занятия и не имеют никакого значения. Ладно, видами ещё успеешь налюбоваться. Пойдём.

Гензель направился влево, вдоль края. Я шёл на шаг позади.

– Здесь от человека, если нас ещё можно так называть, ничего не требуется. Но мы всё равно продолжаем заниматься привычными нам делами. Кто что лучше всего умел при жизни, на то здесь и сгодился. Но потребностей в чём-либо мы тут не испытываем. Просто делаем что-то, чтобы не сойти с ума. А лишиться рассудка в таком окружении можно запросто. Ведь как ты заметил, разум всё ещё при тебе.

Он остановился и начал посматривать вниз, продолжая говорить при этом, но теперь отвлечённо, будто говоря об одном, а думая совсем о другом:

– Хотя знаешь, одна потребность всё же есть. – Высмотрев

всё, что нужно, Гензель повернулся ко мне и поднял фонарь чуть выше, чтобы я мог внимательнее рассмотреть этот старинный на вид предмет. — Свет. Иначе мы бы так и блуждали в потёмках, в полном одиночестве. Спотыкаясь и падая. Поднимаясь и вновь блуждая на ощупь. И так всю вечность. Но спасение от тьмы нашлось. Хотя этот свет совсем не такой, к которому мы привыкли. И чуть позже ты узнаешь о его происхождении. А теперь иди за мной след в след и смотри под ноги. Шею то себе конечно уже не свернёшь, но полететь вниз кубарем всё-таки не особо приятно.

В этом месте склон был не столь крут. Вниз шла узкая тропа. Пришлось внимательно вглядываться, куда сделать шаг, а иначе процесс спуска мог сильно ускориться. Мой проводник шагал куда увереннее и шустрее. Видно не в первый раз, и даже не во второй или третий. Заметив, что отстаю, он остановился и немного подождал, высвечивая мне путь. Таких остановок ему за время спуска пришлось сделать раза четыре. Всего на дороге вниз, по моим ощущениям, ушло минут десять, а может и больше. Хотя понятия не имею, как здесь идёт время. Если оно вообще имело место быть в этой пустоте.

Поселение располагалось не так близко, как это могло показаться там, наверху. Но после уже проделанного пути усталости я вовсе не чувствовал. И этот старичок видимо тоже, даже в силу своего возраста. Наверное, понятие «усталости» осталось в той жизни. Вернее сказать, просто в жизни.

Освещённое полукольцо строений впереди было похоже на тусклое пятно посреди чёрного полотна. И оно разрасталось по мере нашего приближения. Шпиль часовни располагался довольно-таки высоко и мог бы служить ориентиром, для потерявшихся во тьме. Но именно на нём не было расположено никаких источников света. Хотя может эти люди не особо любили незваных гостей. Вообще это место больше подходило для одиночества. Если оно вечное, то риск сойти с ума был и вправду велик. На мгновение внутри меня откликнулись старые чувства. Будто бы я снова впервые оказался в летнем лагере. Вот он, первый день. Это место для меня чужое, далёкое от дома, и мне хочется назад. Но теперь я не мог вернуться. Вероятно, тоска по дому меня ещё настигнет. Даже тут, в ином мире. В крошечной тьме.

– Ты чего такой задумчивый? – Идущий по правую руку Гензель выдернул меня из моих мыслей.

– Да просто...

– Ох, нет-нет, прости. Я уже слишком давно здесь и совсем забыл, каково это в первый раз. Нужно слишком многое обдумать и принять. У тебя будет на это время. Много времени.

– Кстати, насчёт времени. Как оно движется?

– Никак. Не то чтобы его вовсе не было, но для нас оно стоит на месте. По моим прикидкам я нахожусь в этой тьме столько же лет, сколько находился и среди живых. Но взгляни, я всё ещё такой, как и в мой первый день здесь. Никто в

этом мире не стареет. Никто не стал старше ни на минуту с момента прибытия. Так что привыкай. Ты останешься таким навеки.

Последняя фраза прозвучала, как приговор.

Мы прошли примерно одну треть пути. По обеим сторонам дороги росла невысокая трава. Может это были целые поля, но радиус нашего освещения не позволял увидеть больше.

– Как ты уже заметил, этот мир всё же не пуст. И всё что в нём есть не статично. Эта трава, она растёт, если её скосить, но всегда только до определённого уровня. Честное слово, эти лужайки куда ровнее того газона, что был когда-то перед моим домом. А я ведь заботился о нём, как о собственном ребёнке. – Он хохотнул и сделал паузу, видимо вспоминая свои былые времена. – Этот мир может казаться пустым и мрачным, но в нём есть подобие жизни. Как и мы, всего лишь подобие...

– Но разве для нас это не жизнь после смерти?

– Нет, не жизнь. Тебе потребуется некоторое время, чтобы осознать это. Да, мы ходим по земле, разговариваем друг с другом, что-то делаем. Но все при этом мёртвые внутри. – Сам же Гензель не был похож на одного из них и вызывал всё большее удивление своим присутствием здесь. – Пони-маешь, никто не даёт инструкций, как жить во Тьме, поэтому мы живём, как знаем, хотя видно же, что тут это всё не работает. – Он поник, его голос стал медленным и задумчи-

вым. Казалось, что печальные мысли старят его лет на десять, а то и все двадцать. Ладно.— Сказал он снова своим бодрым и жизнерадостным голосом. — Хватит философствований. Займёмся этим как-нибудь позже. Тем более, что других занятий в округе особо не сыщешь.

Мы вплотную приблизились к поселению. Вблизи оно выглядело куда крупнее, чем мне показалось поначалу. Дорога вела между двух, стоящих наискось домов. Перед ними из земли вырастали два деревянных фонарных столба, образующих нечто вроде арки. Внутренняя территория была не столь широка. Света здесь было больше, поэтому моим глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть. Я огляделся и насчитал четыре вытянутых дома. На крыльце ближайшего из них сидел парень несколько моложе меня. В одной руке он держал небольшой нож, а в другой кусок дерева, который с каждым движением лезвия принимал некую форму. Гензель окликнул его, как только тот попал в поле его зрения:

— Эй, Чиж. Пойди сюда.

Воткнув нож в ступеньку, парень неохотно поднялся и быстрым шагом двинулся в нашу сторону. Он был низким, шуплым, сутулым. Светлые, но грязные волосы доходили до плеч, а на лице местами имела редкая поросль. Когда Чиж, как назвал его Гензель, подошёл ближе, я обратил внимание на его неестественный оттенок кожи. Несколько синеватый, будто он много часов провёл на сильном морозе.

— Снова вырезаешь фигурки? — Спросил его старик.

Кусок дерева всё ещё был у парня в руке. Он поднял его повыше, чтобы мы могли взглянуть:

– Да. Только начал. Долго искал подходящий материал. Ради него приходится заходить в лес всё глубже и глубже.

– Ты ведь знаешь, что это небезопасно. Тем более ходить туда в одиночку. Мы ещё поговорим об этом потом. А сейчас пойди, звякни в колокол.

Тогда Чиж взглянул на меня, помолчал пару секунд, не отводя взгляда, и спросил Гензеля:

– Три коротких?

– Да. Три коротких.

Он побежал к дверям часовни, перед которыми стоял небольших размеров колокол. Мы же остались на месте и посмотрели парнишке в след.

– Этот колокол мы нашли неподалёку отсюда. – Объяснил старик. – Он сделан из чего-то вроде металла, но Блум говорит, что такого материала не было среди привычных нам. Однако звуки он издаёт вполне похожие. Мы используем его, чтобы созывать всех. Три коротких означают нового прибывшего, но слышаться здесь они довольно редко, наши ряды пополняются не очень быстро. Я расскажу тебе об опознавательных звонах позже.

Тем временем металлический язык колокола трижды отозвался ударом об стенку, но не повлек за собой ни единого признака эха. Звон был моментальным, но громогласным. Спустя мгновение из домов к нам потянулись люди. Я ожи-

дал увидеть больше народа. Даже для такого маленького поселения жителей здесь было не особо много. Первой появилась женщина, вышедшая из дома, на ступенях которого ранее сидел Чиж. Он тем временем возвращался к нам. На ней были старые широкие джинсы, бежевая вязаная кофта и поверх всего этого длинный фартук, будто она только что с кухни. Шею скрывал повязанный задом наперёд платок. Цвета здесь терялись во мраке, но я определил его оттенок, красный, с белыми узорами. По виду, женщина была уже в возрасте, но седина пока не тронула её коротких светлых волос.

– Чиж, – Крикнула она, спускаясь по ступенькам, – где твой брат?

– Он мне не брат. – Отозвался подошедший к нам длинноволосый парень.

– Не вредничай. Пойди и найди его.

Закатив глаза, Чиж медленным шагом пошёл в сторону, а потом скрылся где-то за домами. Женщина на тот момент подошла к нам, протягивая мне руку и мило улыбаясь:

– Анна. – Представилась она.

Я ответил рукопожатием, как и в первый раз ничего не почувствовав, и чуть было не ляпнул своё прежнее имя, но Гензель меня опередил:

– Данте. Его зовут Данте.

– Чудесное имя. – Мне показалось, что наше рукопожатие затянулось. Но Анна была милой и добродушной на вид, так что меня это не особо напрягло.

За её спиной собиралась ещё троица местных. Две девушки и высокий мужчина. Отпустив мою руку, Анна отошла к ним. Когда все собрались подле нас с Гензелем полукругом, он вновь представил меня:

– Это Данте. Теперь он один из нас. А теперь позвольте мне представить оставшихся новоприбывшему.

Первым в глаза бросался здоровяк в потертых джинсах и клетчатой рубашке. С квадратной челюстью, поросшей трёхдневной щетиной, и угрюмым взглядом. На вид чуть моложе Анны. Его лицо, казалось, вообще не способно выражать эмоции и когда-то давно застыло в недоброжелательной отстранённой от других маске. Однако было кое-что не вписывающееся в этот суровый своенравный образ. Соломенная деревенская шляпа с широкими полями, сдвинутая чуть на затылок. Своим несоответствием она добавляла некой комичности в его вид.

Но Гензель начал с молодой девушки, примерно моего возраста, что стояла рядом с этим мужчиной и походила на его дочь.

– Эта прекрасная леди – Софья. Думаю, вам будет нетрудно найти общий язык.

Худая, ниже меня примерно на голову. Острые черты лица. Чёрные волосы, собранные сзади в длинный хвост, почти сливались с царящей вокруг тьмой. Чёлка спускалась до самих глаз, чей цвет мне сходу понять не удалось.

– Привет. – Сказала она, посмотрев на моё лицо. Быстро,

затем спешно отведя взгляд и одарив меня милой улыбкой с тенью смущения.

– А этот устрашающий на вид мужчина рядом с ней, – Гензель указал на здоровяка, – это Блум, её... отец. Не особо разговорчив. Но если понадобится какая-либо помощь, всегда можешь обратиться к нему, он у нас мастер на все руки.

Чуть поодаль от всех стояла ещё одна девушка. Может чуть старше. Трудно было определить. В толстовке, руки скрещены на груди. На голове капюшон. Половину лица скрывали пряди волос. Взгляд устремлён в землю. Казалось, она была запугана и сторонилась людей.

– Ну, и Лидия. – Указав на неё, Гензель ограничился лишь именем, более ничего не добавив.

Тем временем Чиж возвращался назад. С ним шёл мальчик лет десяти-одиннадцати. В руках он нёс нечто небольшое, испускающее этот призрачный свет, коим было затоплено всё поселение. Уже имея некоторое представление об этом месте, я никак не ожидал увидеть здесь ребёнка. Анна сделала пару шагов им навстречу:

– Ксандер, сколько раз я тебе говорила не уходить за освещённые пределы, ты же можешь потеряться.

– Я был недалеко, – ответил мальчик, убирая что-то округлое в карман. Оно продолжало излучать свет сквозь ткань его брюк. – И я очень хорошо знаю эти места.

– Правила есть правила, молодой человек. – Тон Анны звучал строго. – Продолжишь их нарушать, и я запру тебя в

твоей комнате.

– Хорошо. Прости, Анна. – Ребёнок виновато опустил голову.

– А это, Ксандер. – Сказал мне Гензель. – Самый младший среди нас, но очень способный и сообразительный. И Чижа ты уже знаешь.

– Как сам, чел? – Длинноволосый парень подмигнул мне и, не дожидаясь ответа, отправился на своё прежнее место продолжать приостановленную работу.

– У вас ещё будет время познакомиться поближе. – Объявил всем Гензель. – А пока дадим Данте время освоиться на новом месте.

Все начали расходиться. Анна задержалась:

– Пока мы не обустроим тебе собственный уголок, можешь побыть у нас с мальчиками. Третий парень в доме нам не помешает. – Она продолжала мило улыбаться, демонстрируя белоснежные ровные зубы. В этом фартуке Анна напоминала добродушную заботливую тётушку.

– Спасибо за приглашение. Буду рад погостить у вас. – Ответил я ей.

– Вот и хорошо. Где наш дом, ты знаешь. Заходи в любое время.

Она двинулась прочь, выкрикивая по пути имя мальчика, который вновь был где-то у «ворот» и метил за их пределы. Услышав голос Анны, Ксандер бегом вернулся к ней и вдвоём они скрылись за дверью дома, в который я был пригла-

шён. Рядом со мной остался только Гензель:

– Ну-с, друг мой, мне нужно заглянуть к себе. А ты пока побудь у нашей матушки-гусыни. – Старик издал короткий смешок, но затем стал вполне серьёзен. – Я зайду за тобой чуть позже. Нужно ещё кое-что показать тебе и объяснить.

Мелкими, но частыми шажками, с фонарём в обвисшей, как верёвка, руке он двинулся к дому, что стоял с другой стороны от входа в поселение. Мне казалось, что я наконец-то остался один, но за спиной послышался тонкий тихий голосок:

– Данте.

Я обернулся. Рядом стояла Софья. Она улыбалась одними губами и смотрела на меня, часто хлопая длинными ресницами.

– Да?

Я было подумал, что она уже не ответит и просто молча уйдёт, но всё же:

– Если у тебя будут вопросы, или захочешь посмотреть окрестности... – Она сделала небольшую паузу. – Позови меня.

– Хорошо. – Ответил я ей, тоже улыбнувшись.

– Тогда до встречи?

– Ага.

– Софья. – Послышался громкий и грубый голос. Блум стоял на крыльце дома, соседнего с тем, что принадлежал Анне.

– Мне пора. – Сказала девушка и побежала домой.

Но она обернулась и помахала мне рукой напоследок. Тогда, чуть ниже её запястья, я разглядел шрам. Точно такой же, как был у меня.

Вскоре Софья и Блум зашли к себе домой, а я всё стоял на том же месте, куда привёл меня Гензель. Вокруг меня была Тьма. Привычный мир остался где-то далеко. Где-то, куда нельзя вернуться. А этот... Он не был пустым. И вроде многое в нём знакомо на первый взгляд, но если капнуть глубже, то наверняка всё не так просто. Вряд ли из него есть выход, так что придётся осваиваться. Но как, если сейчас я даже не могу самостоятельно сдвинуться с места? Не найди меня Гензель, я бы так и лежал в том лесу, не подозревая, что в темноте что-то есть. Или кто-то.

Но всё же мне удалось сделать первый шаг. Второй дался проще. И так я медленно побрёл к тому дому, где мне обещали дать временный кров. А внутри моей головы вертелась мысль, которая, наверное, в первое время посещала каждого прибывшего сюда... «Я понятия не имею, что делать дальше».

Глава III

Cause when we're all just ghosts

And the madness overtakes us...

– А их у тебя много. И каждого ты вырезал сам?

– Да. Раз уж сюда попал, надо бы обзавестись каким-нибудь хобби. В округе скука смертная. В прямом смысле смертная.

Я взял с полки деревянного Арагорна. Высокого, в короне, с мечом «Элендилом» в руках. Фигурка была гладкой на ощупь и очень качественной на вид. Чиж старательно вырезал каждую мелкую деталь. Порой настолько мелкую, что я удивлялся, как и чем он это сделал. Сейчас мой новый приятель сидел рядом за рабочим столом и трепетно продолжал обрабатывать тот кусок дерева, с которым я его впервые встретил. Только теперь это уже не был бесформенный материал, а что-то больше похожее на маленького человечка. Чуть позже он станет очередным обитателем Средиземья.

Я вернул Арагорна на его место, рядом с более высоким Сауроном. Здесь стояло множество знакомых мне героев. Самой большой фигуркой среди них был Балрог. По моим прикидкам, тридцати сантиметров высотой. Создатель вырезал даже окружающие демона языки пламени. Пасть Балрога была широко разинута, а в руке полыхал огненный меч. И всё это когда-то было ничем не приметной корягой.

Три плотно уставленных полки занимали всю стену. Слева от них располагалась кровать, а с противоположной стороны тот самый стол с разбросанными по нему различными металлическими инструментами. Этим обстановка в комна-

те ограничивалась. Но в других я ещё не бывал, так что понятия не имею, как у них тут принято. Кстати в апартаментах Чиж не было ни единого окна. Из освещения лишь небольшой фонарик, висящий над рабочим местом. В его свете я внимательнее разглядел парня. При первом знакомстве он показался мне каким-то синим, будто сильно замерзшим на диком холоде. И я не ошибся. Его кожа действительно имела такой цвет, как у какого-нибудь зомби из старого фильма ужасов Джорджа Ромеро.

– Я делаю их такими, как представлял в детстве, когда читал трилогию. – Продолжал Чиж, не отрываясь от дела. – Я очень любил эти книги. Перечитывал множество раз, более десятка точно. Наверное, смог бы даже написать весь текст по памяти, но бумага и чернила здесь роскошь. Зато дерева хватает. Конечно, не достаёт ещё краски, чтоб придать им вида. Но приходится радоваться тому, что есть.

– Этих фигурок достаточно, чтобы разыграть некоторые сцены.

– Ага. И деревьев в округе полно. И времени. Когда-нибудь мне удастся вырезать все армии Мордора и Гондора. Тогда получится устроить настоящую эпичную битву за Минас-Тирит.

– Хотел бы я на это взглянуть. Не забудь позвать меня. – Я присел на кровать. Она была жёсткой. Только дерево, ничего более.

– Конечно, у меня ведь всего две руки, один я с такой по-

становкой не справлюсь. Но учти, это будет чисто мужская вечеринка. Никаких девчонок.

Чиж отложил вырезаемого человечка в сторону и задумался, подперев подбородок кулаком, с всё ещё зажатым в нём лезвием. С полминуты он витал где-то в своих мыслях, а потом вновь медленно заговорил:

– Да. Это будет моё величайшее творение, как художника. Жаль, мир его не увидит. – Затем снова схватил кусок недоделанного дерева и принялся в усиленном темпе заканчивать работу.

На какое-то время между нами выросла стена непрошибаемой тишины, хотя неловкого молчания не чувствовалось. Людям в этом месте было о чём помолчать, с чем побыть в одиночестве, даже будучи окружённым кем-то. Интересно о чём думал Чиж, занимаясь своей работой. Погружался ли он в раздумья о своей утраченной жизни или наоборот бежал от них подальше, концентрируясь на завершении труда? И что за имя странное у него? Чиж. Внезапно для себя я так и сказал:

– У тебя странное имя.

Он взглянул на меня, не поднимая головы, и чуть усмехнулся:

– Знаешь, твоё имя не менее странное.

– Оно просто итальянское. Но может ты и прав.

Парень лишь кивнул. Так и не получив ответа на вопрос, я решил его не добиваться. Как сказал Гензель: «В любом

случае, все мы тут хотели бы забыть о прошлом, о том, кем мы были». Я бы тоже промолчал, спроси меня кто о настоящем имени, о настоящем «мне». Хотя может настоящий «я» уже мёртв, а новый «я» расплачиваюсь за его грехи. Вдруг мой собеседник сам вернулся к этой теме:

– Чиж – ненастоящее имя. Это кличка. Меня зовут Виктор. Но я так редко слышал это имя при жизни, что совсем не привык на него откликаться. Даже мать называла меня Чижом. Именно она его и придумала. Ещё до того, как начала пить.

В дверь постучали. Но стук был столь неестественен. Как и все звуки в этом мире. Будто повсеместная тьма поглощала их. Здесь тьма была не просто отсутствием света, к которому мы привыкли. Она была... чем-то. Чем-то существующим. Может даже живым. Она была Тьмой.

– Да? – Отозвался Чиж.

Дверь чуть приоткрылась и через небольшую щель в комнате появилась голова Анны:

– Что-то вы тут засиделись, мальчики. Пойдёмте на кухню.

– Идём. Через минуту.

Широко улыбнувшись, женщина исчезла. Чиж повернулся ко мне:

– Сейчас, друг мой, ты оценишь стряпню Анны. Тебе повезло попасть сюда не так рано, когда она была начинающим шеф-поваром. Но теперь я готов признать, готовит она впол-

не сносно. В пище мы, кстати говоря, больше не нуждаемся. Привыкай. Но некоторым надо чем-то заниматься. Вот она и выбрала кулинарию. Ладно. Пойдём.

Чиж отложил в сторону рабочий инструмент и деревяшку, почти принявшую определенную форму. Дело оставалось за мелкими деталями, чтобы она стала кем-то конкретным и узнаваемым.

Мы прошли на кухню, которая прилежала к небольшой общей комнате, похожей на гостиную. Вместо обеденного стола здесь располагалось нечто вроде барной стойки. Расставленные вдоль неё по одной стороне, табуреты тоже выглядели соответствующе. Уголок по другую сторону был уставлен кухонной мебелью кустарного производства. Технику же заменял старинный очаг. По крайней мере, я так мысленно называл его. Не то чтобы мне удалось много их повидать, но этот выглядел как-то необычно.

На стойке стояло блюдо, накрытое марлевой тканью, по форме напоминающее пирог. Анна убирала ненужную посуду по ящикам. Ксандер уже успел занять один табурет. Небольшой предмет в его кармане продолжал светиться. Мы с Чижом усадились на два свободных места.

– Оценим твои успехи. – Насмешливо воскликнул парень. – Если повезёт, никто из нас не умрёт во второй раз.

– Не паясничай. Я всё равно знаю, что тебе нравится, как я готовлю.

– Выбирать не приходится. Софья готовила ещё отврат-

нее.

– Ей просто не хватило терпения, чтобы научиться.

– Ну не томи, разрежай. Сделаем это по-быстрому и будем молиться о спасении.

– Молитвы нам уже не помогут, дорогой мой Чиж. Этому кексу нужно ещё немного постоять.

Я сидел между Ксандером и его старшим братом. Хотя вряд ли Виктор являлся им на самом деле. Скорее это всего лишь одна из заморочек Анны. Но втроём они почти были похожи на семью. Хозяйка достала из верхнего навесного ящика три стеклянных тарелки и расставила перед нами. Потом она вернулась с ножом и тремя вилками. Разобравшись со столовыми приборами, Анна пододвинула к себе блюдо с кексом и откинула ткань в сторону. То, что было под ней, выглядело совсем не аппетитно. В основном из-за цвета. Внешне это с трудом напоминало выпечку. Кекс был светло-зеленоватым, как капуста, только с долей голубого оттенка.

– Знаю, что ты думаешь. – Обратился ко мне Чиж. – Но на вкус оно не столь ужасно как на вид. – Потом сделал паузу. – Наверное.

– Не слушай его, Данте. Всё вполне съедобно. Не веришь мне, спроси Ксандера.

Мальчик был на удивление тихим для ребёнка. За всё это время он не вставил ни слова. Просто, молча, сидел и ждал. Хотя Ксандер не выглядел грустным или подавленным.

– Вполне. – Коротко ответил он. Но большего ожидать и

не приходилось.

— Ну вот. Если Ксандер одобряет, значит, ничего плохого не случится. — Вновь улыбнувшись, Анна подмигнула мальчику и погрузила нож в мягкую поверхность кекса. Разрезав его пополам, а затем, поделив одну половину на несколько почти равных частей, она разложила куски по тарелкам.

— Стойте парни. — Чиж предупреждающе поднял вверх одну руку. — На свой страх и риск, готов стать первым испыта- телем. Если я упаду в конвульсиях, загорюсь или меня про- сто разорвёт в клочья, бросайте всё и бегите.

— Это уже не смешно, Виктор. — Анна взглянула на него утомлённым взглядом.

— Не люблю, когда ты меня так называешь.

— А я знаю.

Тем временем Ксандер, вооружившись вилкой, уже от- правил в рот первый кусочек. И выглядел вполне довольным. Я решил последовать его примеру, не отвлекаясь на противо- стояние Анны и Чижа, которое, судя по всему, началось за- долго до моего появления. Ребром вилки я отломил неболь- шую часть. Кекс был очень мягким, будто суфле. Легко ло- мался и при этом совсем не крошился. Запах у него, по-мо- ему, совсем отсутствовал. И только сейчас до меня дошло, что с момента прибытия я не уловил ни единого запаха. Бы- ли ли они здесь? Не задумываясь, я быстро отправил кусо- чек в рот, как мы обычно делаем это со всем, чего раньше не пробовали и в первый раз сомневаемся. Вкус у кекса оказал-

ся весьма странным. Даже не вкус, а ощущения от него. Это было скорее похоже на воспоминания о вкусе. Но призрачные. Когда эти ощущения внезапно всплыли в твоей голове, но ты не можешь вспомнить, чему именно они принадлежат. Как фрагмент какой-то песни, который ты слышишь сквозь свои мысли, но не можешь вспомнить её название. Так и сейчас я не мог вспомнить, что мне напоминает этот вкус. Потому что он был ненастоящим, призрачным. Таким слабым, таким далёким. Будто я жевал безвкусный поролон, а разум напоминал мне о каком-то блюде из прошлого.

– Я всё. – Промычал Ксандер с набитым ртом. Его тарелка уже была пуста. – Можно я поиграю снаружи?

– Уверен, что не хочешь добавки?

Мальчик отрицательно покачал головой.

– Хорошо, иди. Но не покидай пределов поселения. Ты знаешь правила.

– Конечно. – Ксандер моментально соскочил со стула, но остановился у самой двери и обернулся. – Ах, да. Спасибо за кекс.

– На здоровье. – Тёплым тоном ответила Анна. – А теперь иди.

Дверь громко хлопнула, и нас осталось всего трое. Правда, ненадолго.

– Я тоже пойду. Нужно вернуться к работе. Спасибо застряпню и спасибо, что не убил нас ею.

Не дожидаясь ответа, Чиж вернулся в свою комнату, а я

остался с Анной наедине.

– Не обращай внимания на его едкие и придирчивые замечания. – Начала Анна, складывая ткань, которой была накрыта чаша. – Такой уж у него возраст. К сожалению, он ненадёжно в нём застрял. Как и каждый из нас в своём собственном. Но Чиж хороший парень. Видишь всю эту кухонную мебель? Это он сам собрал для меня. У него золотые руки.

Отложив сложенную тряпку в сторону и отодвинув туда же оставшуюся половину кекса, Анна села рядом со мной на табурет, где мгновением раньше сидел Ксандер. Я же продолжал отправлять по небольшому кусочку в рот, пытаюсь привыкнуть к ощущению, что они вызывали.

– Немного необычно, да? – Спросила Анна.

– Да. Только не немного. А очень необычно.

– Я знаю. Но ты привыкнешь. Мне кажется, что каждый, кто пробует здешнюю пищу, чувствует свой уникальный вкус. Точнее его отголоски. Потому что сама по себе еда, которую я готовлю, вкуса не имеет. Она способна лишь вызывать к нашей памяти. Но пока получается не очень. Воспоминания очень слабы. Буду экспериментировать дальше.

– Здесь только вы занимаетесь кулинарией? – Спросил я, проглотив остатки и отодвинув тарелку в сторону.

– Ага. – Анна пристально смотрела на меня, опершись правой щекой на подставленную руку. – Софья пыталась было у меня чему-то научиться. Но быстро потеряла интерес.

При жизни я готовить совсем не умела. Оно и хорошо. Всё равно бы пришлось переучиваться. В этом месте всё делается иначе.

– Кстати об этом. Запахи. Я так и не почувствовал ни одного. Их здесь нет?

Анна печально улыбнулась, опустив глаза. Потом, молча, поднялась со стула и отошла на пару шагов. Встав по стойке смирно, она спросила:

– Что ты видишь, Данте?

Я видел то же самое, что и при первой нашей встрече. Женщину лет за сорок. Но всё ещё с хорошей фигурой. В том же фартуке. Платок на шее чуть сполз в сторону.

– Вас. – Немного неуверенно ответил я.

Анна подошла ближе.

– Смотри внимательнее. Детали, Данте, детали.

Я всматривался, но по-прежнему не понимал, чего должен был увидеть:

– Я не знаю.

– Ну же, ты ведь не глупый парень.

Анна подошла совсем вплотную. Её грудь оказалась на уровне моего лица. Я почувствовал некоторую неловкость. Даже очень сильную неловкость. Но только потом, спустя несколько секунд столь близкого контакта, до меня дошло. Её грудь. Она не вздымается. Ни единого раза за это время.

– Мы не дышим.

– Именно. – Одобрительно ответила Анна и села на своё

место. – Может в этом мире и есть запахи, но мы не чувствуем их. Наше дыхание остановилось там, в последние секунды жизни. И вместе с ним, мы лишились возможности обонять.

Только сейчас я понял, что не дышу. И понял, как это странно. То есть это было нормально до сей поры. Но стоило лишь задуматься... Внезапно почувствовал потребность сделать вдох. Просто по привычке. Однако, ничего не вышло. Словно попытаться пошевелить шестым пальцем, которого у тебя нет и никогда не было.

– Постарайся не думать об этом, Данте. Даже в мире живых если углубляться во что-то привычное, оно становилось странным. А здесь... Ещё страннее.

Мне лишь оставалось согласно кивнуть. Прибытие в этот новый для меня мир породило много вопросов. Но ответы на них влекут лишь новые вопросы. Больше и сложнее. И самый главный – что же теперь делать? Нужно было как-то привыкнуть к тому, что более я не испытываю потребностей.

– Ты не особо разговорчив. – Заметила Анна. – Понимаю, тебя сейчас не особо тянет рассказывать о себе, но если есть вопросы, задавай.

– На самом деле их очень много. Я даже понятия не имею, с чего начать. Но пока лишь один. Почему вы называете Чиж и Ксандера братьями?

– Потому что мы здесь одна большая семья, дорогой мой Данте. И ты уже вошёл в неё. Просто не успел свыкнуться с этим. Может мои мальчишки не родные по крови, ни со мной,

ни друг с другом, но мы близки. При жизни многие из нас были одиноки, а здесь все получили второй шанс. Шанс обрести кого-то.

Во входную дверь постучали. Быстро отбарабанив косяшковой указательного пальца, Гензель, не дожидаясь приглашения, вошёл в прихожую:

– Вижу, друзья мои, вы уже всю налаживаете контакт.
– Потихоньку. Отвечаю Данте на некоторые вопросы.
– Эй, а я то думал, это моя обязанность, просвещать новоприбывших.

– Прости, прости. Ты у нас главный мудрец. Ну проходи. Своей шустрой старческой походкой, мелкими, но частыми шажками, Гензель пересёк прихожую и остановился по другую сторону стойки от нас. Его внимание привлёк только что приготовленный Анной кекс, а точнее оставшаяся от него половина:

– Всё ещё продолжаешь экспериментировать с выпечкой? Как вышло на этот раз?

– Давай-ка я лучше дам тебе кусочек на пробу, и ты сам мне об этом скажешь.

– Что ж, не откажусь.

Анна вернулась хозяйничать на кухне, в то время как Гензель занял её место:

– Я пришёл за тобой, Данте. Нужно объяснить тебе некоторые самые основные моменты и показать кое-что. Точнее даже кое-кого. Короче сам всё скоро увидишь.

Тем временем хозяйка подала обещанный кусочек кекса и осталась стоять перед нами в ожидании вердикта.

— Благодарю. — Ответил старик и лёгким движением вилки разломил кусок пополам, принявшись жевать одну половину. — Какое счастье, что перед смертью все мои зубы остались на месте.

— Ну так? — Анна нетерпеливо желала услышать его мнение.

— Как всегда неплохо, дорогая моя. Но знаешь, отголоски вкуса по-прежнему какие-то далёкие. Думаю, нужно добавиться чего-нибудь для усиления. Вроде каких-то специй.

— Я перепробовала уже всё, что у нас было. Пока это лучший результат.

— Совсем недавно мы с Ксандером прогулялись до западных холмов. Там наверху нам попалась какая-то новая трава. Странная на вид. Но вполне вероятно из неё что-нибудь выйдет.

— Вы пошли к холмам? В такую даль? И никого даже не предупредили. — Анну это несколько разозлило. Я увидел это по выражению её лица. Гензель мало того отправился неведомо куда, так ещё и потащил за собой ребёнка.

— Блум знал.

— Ох, этот неразговорчивый бука...

— Но я всегда могу на него рассчитывать. Мы все можем. Ты знаешь, он хороший человек.

— Да, определённо. Но слишком уж угрюмый и молчали-

вый. Честное слово, старый Хрон порой мне кажется разговорчивее, чем Блум.

Гензель пожал плечами в ответ:

– Уж какой есть. Ладно, нам с Данте пора.

Мы вышли наружу. Я понятия не имел, что старик собирался мне показать, но в этом мире наверняка было полно того, чего я ещё не видел. И возможно это была лишь крошечная доля того, что увидели они, давно тут живущие. Но если в мире живых первооткрывательство было делом непростым, то здесь повсеместная тьма сильно всё сильно усложняла.

– Вы говорили, что ходили на западные холмы. – Обратился я к Гензелю, сразу как мы вышли за порог. – Но как вы здесь определили стороны света?

– Весьма условно. – Старичок не стал затягивать с ответом. – Как и почти всё во Тьме. Центром я взял нашу часовню. Вход её обращён на юг. К лесу, из которого я тебя привёл. Север с противоположной стороны. Ну и восток с западом соответственно.

Тем временем мы спустились с невысокого крылечка, и Гензель повёл меня через всю территорию насквозь. Как я понял, шли мы к дверям часовни.

– Но не вздумай в одиночку ходить в лес, парень. Там в буквальном смысле можно заблудиться в четырёх соснах. Каждый раз, заходя туда, я рискую не вернуться назад. Так что нам всем очень повезло, что ты нашёлся почти на окра-

ине. Потому что думается мне, будто простирается этот лес на большую территорию.

— Тем не менее, вы его знаете.

— Да. Немного. Впервые идти туда, конечно, было оплошностью. Но я об этом тогда совсем не подумал. И знаешь, как я вернулся? Поступил, как мой тёзка из той сказки, когда бросал за собой хлебные крошки. Только я вырезал пометки на деревьях. Компасы, видишь ли, никто из нас собирать не умеет. Да и вряд ли бы они здесь правильно работали. Со временем я просто выучил все тропы. Но Тьма место опасное и очень подлое. Ты можешь пойти той же дорогой, что и всегда. Один неверный шаг, неверный поворот и до свидания, остаёшься блуждать в ней на веки.

Мы прошли по узкой тропинке, пересекающую лужайку, что окружала часовню и остановились перед массивной закрытой дверью, недалеко от того самого колокола, в который звонил Чиж, когда я впервые явился в поселение. Гензель всем телом навалился на дверь, и та с трудом и громким скрипом поддалась, открывшись вовнутрь. По ту сторону я увидел большое просторное помещение, не разделённое на комнаты и с высоким потолком. Света внутри было довольно много. На каждой стене располагалось по два светильника, и того всего шестнадцать. В отличие от остальных это здание оказалось полностью каменным. Покрывавшая камень штукатурка изобиловала царапинами. На первый взгляд они могли показаться беспорядочными, но на самом деле это бы-

ли зарубки по четыре штуки с пятой перечеркивающей.

У противоположной входу стены сидел сгорбленный человек в чёрной рясе. Его руки лежали на небольшом старом столе. На нём же стояли большие песочные часы. Только песок, или что на самом деле там было внутри, светился всё тем же царствующим здесь призрачным светом. Оба сосуда были заполнены почти одинаково. Песчинки по одной продолжали сонно проходить через горловину и падать из верхней части в нижнюю.

Гензель повёл меня прямо туда. Человек в рясе не слышал, как мы вошли. Только заметив боковым зрением двух приближающихся людей, он медленно повернул голову, мне даже показалось, что с таким же скрипом, как открывалась та массивная дверь. Он был очень стар и очень худ. Со стороны напоминал скелет, обтянутый жёлтой морщинистой кожей. Из-под чёрной шапочки, напоминающей пилеолус священника римско-католической церкви, торчали редкие седые волосы. Пальцы на его руках, казалось, навсегда утратили свою гибкость и скрючились в одном положении. Всем своим видом он напоминал священнослужителя, но символической христианства не располагал. Вместо креста на его шее, на тонкой цепочке, висели точно такие же часы со светящимся песком, но размером гораздо меньше.

Приветствие от старца мы не услышали. Гензель сам представил мне его:

– Познакомься, Данте. Это старик Хрон. Ещё один из нас.

И кстати он немой. Но думаю, всё слышит, хоть и с трудом.

Я встретился с Хроном взглядом. Кажется, он рассматривал меня. Но по старым, почти остекленевшим, глазам трудно было что-то понять.

– Видишь, эти песчаные часы? – Продолжал Гензель. – Мы то давно махнули рукой на время, но старик только и делает, что отсчитывает дни. Падение последней песчинки знаменует прошедший час. Перевернув часы 24 раза, Хрон делает на стене зарубку о прошедшем дне. Посмотри сколько их тут. – Гензель обвёл помещение рукой. – Группы по пять зарубок. Семьдесят три таких означают год. Сомневаюсь, что високосные он берёт во внимание. Если пожелаешь, можешь лично заходить к нему и отсчитывать, сколько ты здесь пробыл. Но это непросто. Пометки старик делает в хаотичном порядке, понятном только ему. А теперь пойдём. Он не любит, когда его отвлекают от этой работы.

Мы покинули часовню. Я помог Гензелю прикрыть за собой дверь. Даже для двоих она казалось тяжёлой.

– На самом деле, Хрон уже был здесь, когда я появился, первым из всех. А стены внутри были чистыми. Но старик не мог вымолвить ни слова. Даже назвать своё имя. Я забавы ради прозвал его Хроносом, в честь древнегреческого бога времени. Шутка шуткой конечно, но имя это так и прижилось. Тем более настоящее то он так и не назвал. А теперь пойдём. Есть ещё кое-что. Самое важное.

Молча и торопливо, Гензель повёл меня за собой. Он шёл

к своему дому. Я следовал за ним. По пути мои мысли всё вертелись вокруг того старца. Он явно знал гораздо больше, нежели все, кто тут жил. Просто не мог рассказать. Не мог или не хотел. И это здание. Оно каменное. Кто его построил? Вряд ли Хрон мог это сделать.

Мы подошли к дому Гензеля. Он быстро поднялся наверх по крыльцу, снял фонарь, висящий рядом с входной дверью, и спустился обратно ко мне.

– Свет, Данте. Свет – наш самый главный ресурс. Но как думаешь, откуда он берётся?

Я долго мог предполагать, но вряд ли хоть один из вариантов оказался бы верным. Оставалось лишь пожать плечами. Гензель же молча, открыл дверцу старинного фонаря и достал оттуда стеклянную колбу, которая располагалась на месте фитиля. Именно она испускала призрачный свет. Старик отложил сам фонарь в сторону, на нижнюю деревянную ступеньку, и откупорил изъятую ёмкость. Он наклонил её, подставив свободную ладонь сложенную лодочкой. Из горлышка на землю пролилось содержимое колбы, очень похожее на жидкий фосфор. Вот только трава, на которую попала жидкость сразу начала дымиться и тлеть, будто то была какая-то кислота. Но рука Гензеля, в которой находились вылитые остатки, была в полном порядке.

– Что это? – Спросил я.

– Это то, что способны производить лишь мы.

Он выплеснул оставшееся из ладони на землю. Послыша-

лось разъедавшее шипение, и вверх поднялся столб голубоватого дыма.

Гензель смотрел на меня пристальным взглядом, не моргая. Таким серьёзным я ещё не видел. Но проглядывалась сквозь эту серьёзность и грусть. И тоска.

– Видишь ли, Данте, все мы здесь заложники нашей скорби. Того, что мы натворили. И того, что нас на это подтолкнуло. Не думай, что прошлое отпустит тебя. Потому что оно в нас. И оно будет часто к тебе возвращаться, выплёскиваясь наружу. Горе – наше бремя. Но оно и наше спасение.

Гензель сделал паузу, положив руку мне на плечо и вновь улыбнувшись. Но улыбка эта была печальная, полная сочувствия. К себе. И всем кто оказался здесь, рядом.

– Горе – наш свет, Данте. Свет – это наши слёзы.

Глава IV

Я стоял перед домом Софьи, сунув руки в карманы джинсов. Внутри меня нарастало чувство дежавю. Будто я жив и вернулся на несколько лет назад. И даже показалось, что ощущаю тот прохладный ветер. Но здесь не было ветра. Не могло быть. Как и биения сердца. Да, оно тоже остановилось вместе с дыханием. При жизни редко замечаешь его, пока не задумаешься, не сконцентрируешься на этом мускуле, и тогда посреди тишины можно услышать чётко-выверенный идеальный ритм, разгоняющий кровь по всему телу. Как и

все обыденные процессы, этот остаётся где-то на заднем плане. Будто и нет его совсем, хотя благодаря ему, ты живёшь. Здесь ощущаешь почти то же самое. Но стоит приложить руку к груди... Тогда то и приходит осознание, что тело твоё мертво. Но не ты.

В тот вечер моё сердце дико билось, словно загнанный зверь, пытавшийся сбежать из грудной клетки. И неровное тяжёлое дыхание выдавало этого зверя. Однако мне удалось его укротить. Имел я такую способность, демонстрировать слегка насмешливую невозмутимость, даже когда внутри разворачивается эмоциональный апокалипсис. Теперь же биологическая реакция вряд ли могла помешать мне в чём-либо.

Я спешно поднялся на веранду. Не хотелось, чтобы Софья видела меня бесцельно стоящим снаружи и выжидающим непонятно чего. Ещё одна моя... Яснее было бы сказать «фишка», но, Господи, как же терпеть не могу этого слова. Пусть будет «особенность», или даже «странность». В общем, я всегда предпочитал появляться из ниоткуда. Редкий раз можно было увидеть меня приближающимся издали и приветственно помахать мне рукой. Куда чаще я возникал позади, прямо за спиной. Словно призрак. Какая ирония, теперь я действительно стал кем-то вроде призрака. Но в попытках сбежать от своего прошлого, трудно было разом избавиться от всех своих привычек. Так что по моим прикидкам, Софья не знала, что я здесь и сейчас стук в дверь

несколько озадачит её.

Честно говоря, мне пока не особо хотелось заводить новых друзей. После визита в часовню, или «Храм времени», может так даже вернее, я собирался вернуться назад в дом Анны. Хотелось побыть одному. Мест для этого в округе предостаточно, но велика ли вероятность, что не зная их, ты потом вернёшься назад? Тем не менее, Гензель настоял:

– Загляни к Блуму и Софье. Успеешь ещё насладиться одиночеством. Нужно налаживать соседские отношения. Тем более с девочкой вы общий язык найдёте. С её опекуном будет сложнее. Не думай, что он тебя сразу примет как родного. И даже когда примет, виду не подаст. Это я тебе говорю, чтоб ты знал, чего ожидать от него.

Я обратил внимание на то, что Гензель назвал его опекуном, но не отцом. Да и в самый первый раз, когда представлял их мне, запнулся на слове «отец». В любом случае я понимал, что Блум человек своеобразный и непростой в общении. Учитывая специфику этого места и причин, по которым люди здесь оказываются, я был не особо удивлён. Хотя подобных личностей немало повстречалось мне и при жизни.

– Ах да. – Вдруг вспомнил Гензель, почесав затылок. Сделал он это, машинально, просто по привычке. Такое явление, как зуд, люди тут не испытывают. – Блум ушёл чуть раньше в старое поселение, я совсем забыл. Думаю, с твоим прибытием у него появилась работа. Возможно, ему понадобится помощь. Софья отведёт тебя туда.

– Старое поселение? То есть, здесь есть кто-то ещё?

– Нет. Оно заброшено. Но кто-то построил его и жил там. Они определённо были более продвинуты, нежели мы. А нам теперь остаётся лишь паразитировать на их достижениях.

– И куда они все делись? – Этот вопрос будто перекрыл мне воздух, встав костью в горле. Гензель говорил об этом так обыденно и непринужденно. Но мысль об исчезновении целого соседнего поселения разожгла во мне любопытство и вызвала некую тревогу. Может даже граничащую со страхом.

– Мы не знаем, Данте. Нас тоже встревожило это, когда мы наткнулись на ту деревню. Там уже никого не было. Жуткая картина на первый взгляд. Они будто исчезли, оставив всё, что имели, что создали своими руками. Со временем мы начали использовать это для своих нужд. Но правды о своих предшественниках так и не узнали. Возможно, старик Хрон, что-то и знает. Он ведь был здесь до нас. И неизвестно, с каких пор... Я могу лишь строить теории. Позже я поделюсь ими с тобой. А сейчас иди. Увидимся позже.

По ощущению времени, которое я по-прежнему сохранял от прошлой жизни, с того разговора прошло не менее часа. Однако я успел всего лишь пройти от дома Гензеля до дома Софыи, и расстояние это было не особо большим. По пути я часто терялся в своих мыслях. Слишком многое различной необъяснимой информации свалилось на меня вот так сразу. На меня свалился целый новый мир, пусть и мрачный, навеки погружённый во тьму.

Очнулся я уже близ места назначения, стряхнув с себя остатки раздумий. Передо мной была деревянная а над ней фонарь, коих в округе огромное множество. «Надо будет попробовать сосчитать их все, если станет скучно», – подумал я в этот момент. Свет изначально показался мне необычным, но его происхождение оказалось ещё страннее. Людские слёзы. Их слёзы. Их горе. А я по-прежнему не считал себя одним из них, хотя было очевидно, что иного выбора у меня нет.

Наконец я поднял сжатую в кулак ладонь и трижды постучал в дверь. В ответ тишина. Ни разрешения войти, ни звука шагов. Я уже начал подумывать, что дома совсем никого нет. Может Софья отправилась вместе с Блумом? Но в момент, когда меня посетило желание развернуться и пойти назад, мой взгляд уловил движение в тёмном окне, что рядом с дверью. Я увидел светлую фигуру, плавно исчезнувшую в черноте дома. Спустя мгновение дверь передо мной приоткрылась и в проёме появилась девушка.

– Привет.

– Привет. – Ответила она, так же смущенно улыбнувшись, как при первой нашей встрече.

На этом наш разговор ненадолго прервался. Ни она, ни я не знали, как его продолжить. Со стороны это, наверное, выглядело по-детски глупо, но вряд ли кто-то нас видел.

– Ох, что же это я... Проходи. – Она отошла в сторону, открыв дверь пошире. Я нерешительно переступил порог и

оказался внутри.

Какие банальные слова. Какая банальная ситуация. Но в тот момент она показалась мне столь чётко выверенной, будто мы в кино.

– Извини. Я не слышала, как ты постучал. Играла на гитаре, думала, мне показалось. Но всё же решила проверить. Так то обычно мы не смотрим, кто там пришёл. Всё-таки все свои, ну ты понимаешь. Извини, извини меня снова. Ты только пришёл, а я уже обрушила на тебя целый поток слов.

Много и быстро говоря, Софья испытывала такую же неловкость, что и при напряжённом молчании двух почти незнакомцев. Я видел это по её глазам. Слышал это в её голосе. Девушка была странновата, что меня несколько успокаивало. В кругу подобных людей я всегда чувствовал себя увереннее, потому что сам был таким же.

Внутри было темно. Лишь слабый свет, проникающий с улицы сквозь окна, хоть как-то разгонял царящую темноту. Софья закрыла дверь у меня за спиной, и света внутри стало ещё меньше. Девушка бесшумно возникла по левую руку от меня:

– Идём.

Я двинулся за ней, стараясь идти след в след и хоть как-то ориентироваться, чтобы не на что по пути не наткнуться, но всё-таки влетел плечом прямо в какой-то косяк. Софья обернулась:

– Ох, прости. Прости. Какая же я глупая...

Она убежала куда-то, а затем послышался шум открывающейся двери, и яркий призрачный свет ударил мне в глаза, будто в той комнате была собрана пара десятков светильников. Я оказался почти прав. Их там было чуть меньше. Софья вернулась, взяв один из них:

– Я просто очень люблю побыть в темноте, когда остаюсь одна. Приходится убирать все фонари в одну комнату. Выключателей сразу для всех, как были раньше, у нас нет. – Она хихикнула. Это было похоже на писк мышонка из детского мультика.

Софья повела меня к окну, выходящему на противоположную от поселения сторону. Вдоль него стояла широкая скамья. С краю деревянное кресло, в котором я разглядел акустическую гитару. Шестиструнная. Мы присели по разные стороны скамьи. Софья полубоком ко мне, при этом продолжая говорить:

– Я всегда любила темноту. И даже здесь... Знаешь, от старых привычек трудно избавиться, даже после смерти.

– Мне тоже нравится темнота. Но тут она повсеместная, вызывает что-то вроде клаустрофобии.

– Первое время все это чувствовали. Ты привыкнешь. Вот когда я только здесь оказалась... Ох, извини, что-то я слишком много говорю о себе. Тебя, наверное, это уже утомило. – За то короткое время нашего общения она извинилась уже более пяти раз. Я ощущал этот груз неловкости, что навис над ней в момент моего прихода.

– Нет, ну что ты. Всё нормально. – Я кивнул головой в сторону гитары. – Ты сказала, что играешь...

– Скорее тренируюсь. Но кое-что исполнить могу.

– Сыграешь?

– Нет-нет-нет! Ни в коем случае. Я стесняюсь играть перед публикой.

Её нерешительность улыбнула меня. Но я чувствовал, что если сейчас поднажать, то Софья обязательно согласится. Тем более я внезапно испытал некую потребность в звуках. Их во Тьме наблюдался катастрофический дефицит. Что уж говорить о музыке... Один музыкант, пусть и начинающий, уже находка.

– Да ладно тебе, я слышал немало плохих гитаристов за свою жизнь, и каждый из них был гораздо увереннее. Сравниться тут тебе не с кем. – И потом добавил в шутку. – А если выйдет не очень, мы никому не скажем.

– Ну... – Софья отвернулась в сторону, плотно сжав губы. После короткой паузы повернулась обратно ко мне. – Ладно. Только, чур, не смеяться.

– Уверен, повода не будет.

Девушка вскочила со скамьи и пересела в кресло, взяв гитару в руки. Пару секунд она будто собиралась с мыслями и потом ещё несколько приноравливалась пальцами к струнам. Наконец выбив из них звук, Софья продолжила в идеальном темпе. Мотив показался мне очень знакомым. Но я копался в своей памяти и не мог отыскать там названия. Гитара

звучала в отрыве от других инструментов, но столь знакомо. Ударная установка и ещё одна электрогитара ритмично присоединились к акустике в моей голове. И тогда я вспомнил название той песни, чью мелодию наигрывала Софья. «Человек, что продал мир».

Но на том месте, где начинался припев, девушка сбилась и вместо того, чтобы продолжить, вернувшись в ритм, остановилась. Последние звуки растворились в темноте. Софья сидела, склонив голову, будто стыдясь поднять взгляд, потому что выступала не перед одним мной, а перед целым стадионным поклонников, которые ни как не ожидали такой оплошности от своего кумира.

– Мне понравилось. – Я сказал это не только потому, что это было правдой, но и дабы разрядить обстановку, а то мы так могли бы сидеть бог знает сколько времени, преклоняясь перед тишиной.

– Вот так всегда. Сбиваюсь каждый раз, а потом не могу продолжить. – Голос её звучал грустно. Взгляд всё ещё разглядывал собственные колени, левая рука крепко сжимала гриф. – Приходится начинать сначала, но итог всегда один. – Она дернула струну, и та зазвенела плавно затухая.

– Может дело не в навыках? Ты очень хорошо играешь.

Софья подняла голову и взглянула на меня. Впервые, так пристально, не отводя взгляд.

– Может, ты во время игры слишком много думаешь, чтобы не сбиться? Нервничаешь. Попробуй просто... играть. Не

задумываясь о том, что делаешь.

Она молчала. А потом неожиданно для меня улыбнулась:

– Ты что, психолог?

– Разве что по совместительству. – Я улыбнулся в ответ.

Софья посмеялась. Так тихо, почти беззвучно. Отложив в сторону гитару, она поднялась на ноги и спросила:

– Прогуляемся?

Я поднялся вслед за ней:

– Да, конечно.

Софья взяла фонарь, который принесла из другой комнаты и мы двинулись к выходу. По пути мне удалось разглядеть дом. Косяк, в который я врезался чуть ранее, был частью широкой арки соединяющей гостиную и прихожую. Апартаменты Блума и Софьи были меньше, чем у Анны. Здесь отсутствовала кухня, а помимо гостиной имелись ещё всего лишь две спальни. Внутренняя обстановка такая же минималистичная.

Мы вышли наружу.

– Пойдём в старое поселение? – Спросил я.

– Откуда ты узнал?

– Я же психолог, забыла?

Софья нахмурилась. Видимо в этот раз шутка оказалась неуместной. Да, и вообще откровенно глупой, но осознал я это уже после того, как она слетела с моих губ. Пришлось быстро исправляться:

– Гензель сказал, что Блум пошёл туда, и ему может по-

требоваться помощь.

— Да, точно. Не будем заставляться его ждать. — Софья, высвечивая дорогу фонарём пошла вперёд, по тропинке вдоль своего дома. За углом тропа резко поворачивала направо и вела за пределы селения. — Он человек гордый и независимый, никогда не просит помощи у других.

— Гензель назвал его твоим отцом? Как это возможно, что вы оба оказались здесь?

Дома остались у нас за спиной, мы вышли в открытое поле. Бескрайнее море тьмы. По местным понятиям, шли мы на восток. И вновь, уже задав вопрос, я лишь потом подумал о том, что сказал. Вот уже во второй раз. Почему я перестаю здраво мыслить только при Софье? Вероятно, мой вопрос был не тактичен. Вероятно, я вообще задал его не тому человеку. Она могла бы ответить, что я лезу не в своё дело и послать куда подальше. Но...

— Это двоякая ситуация. Блум не мой биологический отец. Мы вообще не были знакомы, пока я не попала сюда. Но он позаботился обо мне. Этот на вид бесчувственный и лишенный эмоций человек, чьё выражение лица никогда не меняется. Внешность обманчива. И знаешь, лучшего отца у меня никогда не было.

Я узнал, что хотел, но дальше решил не заходить с этой темой. Однажды все карты будут раскрыты, но не стоит с этим спешить. К тому же, им тоже хотелось многое узнать обо мне, а я хотел обратного. Дальше мы шли молча. Меня

терзало острое желание сказать ещё что-то, что угодно, даже если это будет очередная необдуманная глупость, лишь бы избавиться от этого послевкусия после своего предыдущего вопроса. Но в голову ничего не шло.

Софья тоже молчала. Я шёл на полшага позади неё, так что смог разглядеть девушку со спины. Интересно, чувствовала ли она мой взгляд на себе? Стройная, невысокая. Столь хрупкая на вид. Чёрные, как окружающая нас тьма, волосы, заплетённые в конский хвост, свисали практически до пояса. Бледная, почти такая же белоснежная, как чистый бумажный лист, кожа контрастировала с чернотой в волосах. Контрастировала с этим тёмным миром. Наверное, даже не будь здесь никакого света, я бы всё равно смог разглядеть её. Единственное белое пятно в этой бездне. Призрачный свет фонаря будто проходил сквозь Софью, трансформировался, а на выходе становился таким же белым, как она сама. Подобно тому, что испускают флуоресцентные лампы, только природный. Увидеть такое при жизни...

Я резко наткнулся на её спину, успев в последний момент удержаться на ногах, чтобы мы оба не полетели вперёд. Софья, кажется, этого даже не заметила. Она стояла на месте, как вкопанная, прижимая фонарь к груди и пристально глядя вперёд. Я хотел спросить: «В чём дело?», но потом поднял голову и увидел то, что её напугало. Впереди возвышалось огромное дерево, мёртвое, сухое, наверное простоявшее здесь уже не одну сотню лет. Его голые ветви напоми-

нали кривые лапы лавкрафтовского чудовища. Одиночество сего дерева посреди беспредельного чёрного поля выглядело жутко. Но уняв разбушевавшуюся фантазию, понимаешь, что дерево это обычное. Такое же, как и в мире живых. Нечто странное и пугающее находилось позади него.

Нечто источающее призрачный свет. Подобно молниям узкие стремительные лучи разлетались во все стороны и возвращались обратно, словно это был какой-то безумный танец светлячков. Царствующая над окружением тишина добавляла ужаса в творящуюся картину. Источник световой пляски прятался там, прямо за этим деревом.

Софья будто находилась в трансе, загипнотизированная этим зрелищем. В нём была своя красота, если б она так не пугала. Я легко прикоснулся к плечу Софьи, дабы привести её в чувство. Она вздрогнула, словно совсем забыв, что я здесь. Голова её резко повернулась ко мне.

– Что это? – Шёпотом спросила девушка.

Но если б я знал...

– Думаю, нужно взглянуть. – Так же шёпотом ответил я.

– С ума сошёл? Вдруг это опасно.

– Мы ведь уже не умрём, правильно?

– Бывают вещи и похуже смерти, знаешь ли.

Вопреки уговорам этого не делать, я пошёл вперёд. С одной стороны, мне хотелось выглядеть мужественно в глазах Софьи, с другой – было просто любопытно. Ну а с третьей... Хотелось убежать назад, подальше от этого страшного дере-

ва и уж тем более от того, что пряталось за ним. Каждый шаг давался всё сложнее. Неизвестность всегда пугала людей. Но самым страшным было ожидание встречи с неизвестным, нежели оно само. Тянуть наоборот не стоило, ибо фантазия за это время успевала нарисовать в голове самый пугающий вариант из всех возможных. Однако сделать всё по-быстрому не удавалось. Это было так странно. Вроде я уже умер, а инстинкт самосохранения по-прежнему работал, как часы. Я вплотную подошёл к дереву, которое вблизи выглядело просто колоссальным, и двинулся вдоль широченного ствола, стараясь ступать бесшумно, насколько это возможно. Неисчислимы́е призрачные молнии продолжали друг за другом рассека́ть тьму. Ещё пара шагов и некоторые из них могли коснуться меня. Хотелось верить, что Софья всё-таки была неправа и они действительно не опасны.

Балансируя на одной ноге, я выглянул из-за ствола, опершись об него обеими руками. Мой разум даже ещё не успел осознать того, что увидели мои глаза, как пронзительный детский крик сбил меня с ног. Точнее с одной ноги. Я плюхнулся назад, почувствовав столкновение, но, не ощутив боли. Странное чувство, будто тебя обманули.

Повернув голову, я увидел Софью, бегом приближающуюся ко мне. Но дожидаться её не стал. После кратковременного оглушения я быстро пришёл в себя и понял, в чём тут всё дело. Поднявшись на ноги, я быстро обогнул дерево. В таком же положении на земле сидел Ксандер, глядя на меня

испуганными глазами. Источник того света, что озадачил нас с Софьей лежал у ног мальчика. Небольшой круглый предмет. Тот самый, что ранее прятался в его кармане.

– Прости, не хотел тебя пугать. – Я подал Ксандеру руку и помог ему подняться с земли.

– Я не слышал, как ты подошёл. – Он наклонился и поднял святающийся предмет. – Ты что следил за мной?

– Нет. Эта твоя штука нас здорово напугала.

Софья возникла у меня за спиной. Кажется, до неё только что дошло, что же случилось на самом деле, и она понемногу начала успокаиваться.

– Ах это... – Ксандер выпустил нечто из руки, и оно полетело вниз, раскручиваясь на тонкой верёвке и выпуская по сторонам призрачные лучи света. Раскрутившись до конца, оно вернулось мальчику в руку.

– Йо-йо? – Эта старомодная игрушка, не переставала быть актуальной весь прошлый век.

– Чиж мне его сделал. Вырезал из дерева, добавил внутрь немного света и закупорил стеклом. Сказал, с этим меня будет проще найти, если я вдруг потеряюсь.

– Ты не потеряешься, если не будешь уходить так далеко от поселения. – Софья вышла вперёд. Её тон звучал строго. Внезапно эта скромная и немного неуклюжая в общении девочка превратилась в непоколебимую женщину. Словно кто-то пошёл не только против общих, но и против её личных правил. – Что ты здесь вообще делаешь? Знаешь ведь, что

даже взрослым запрещено разгуливать вот так в одиночку. Ты мог потеряться.

– Это моё тайное убежище. Я его нашёл. Пожалуйста, не говорите Анне. Она никогда не выпустит меня из дома, если узнает, что я ушёл так далеко.

– Хорошо. Мы не скажем. – Тон Софьи начал смягчаться. – Но тебе пора назад, тебя не было слишком долго, Анна скоро начнёт поиски.

– Ага. – Мальчик сунул игрушку в карман и поспешил прочь.

Софья остановила его:

– И потом, всегда ходи сюда одной и той же дорогой. И никогда не ходи дальше без взрослых.

Ксандер кивнул и скрылся в темноте. Софья двинулась дальше, потянув меня за собой:

– Надеюсь, Гензель тебя предупредил, чтобы ты тоже не шастал по округе в одиночку?

– Конечно. Потеряться тут раз плюнуть.

– Честно говоря, за Ксандера не нужно так волноваться. Он умеет ориентироваться в этой тьме и всегда сможет найти дорогу назад.

– Я удивился, когда впервые увидел его. Как ребёнок мог попасть сюда? Сколько ему лет, десять? Может одиннадцать?

От дерева шёл небольшой плавный спуск вниз. Софья несколько сбавила шаг. Я последовал её примеру, чтобы не повернуться в темноте и вновь не столкнуться с этим неопре-

делённым чувством отсутствия боли, которое мне показалось даже хуже самой боли.

– Ксандер – наша самая большая загадка. Это слова Гензеля. Он говорит, что этот мальчик совсем не такой, как обычные дети. Оно и понятно, обычные дети не попадают в такие места.

– То есть, никто не знает, почему он здесь?

– Нет. Ксандер не любит об этом говорить. И поверь, на самом деле он взрослее, чем кажется.

Дорога вновь пошла на подъем. Каждый шаг давался всё сложнее. Разглядеть что-то дальше своей вытянутой руки было невозможно в принципе, но, судя по всему, мы поднимались на некий холм. Довольно-таки высокий холм. Какое счастье, что усталость осталась всего лишь в воспоминаниях, путешествия по местным краям могли здорово вымотать. Тогда, поднявшись наверх с тяжёлой отдышкой и гудящими ногами, пришлось бы делать временный привал, чтобы унять разбушевавшееся сердцебиение и собраться с силами для продолжения пути. Но здесь, когда дорога под ногами выровнялась, я мог покорить ещё тысячу таких же холмов и всё равно остаться с тем же неиссякаемым запасом сил. Вот они, плюсы загробной жизни.

Софья уже ожидала меня на противоположном краю. Было бы здорово полюбоваться с высоты местными видами, не будь они скрыты от глаз. Однако кое-что разглядеть всё же удалось. Подойдя к своей спутнице, я увидел внизу, в полу-

километре отсюда, ещё одно поселение. Такое же безлюдное не только на вид, но и в действительности.

Дальше всех стоял огромный амбар. Судя по длине и ширине, туда могли поместиться сразу три-четыре вагона поезда. У правой стены лежал штабель брёвен. На крыше здания располагался фонарь, крупнее тех, что я видел. Наверное, он служил ориентиром, но холм, на котором мы стояли сейчас, скрывал его от той стороны, откуда Софья меня привела. От амбара полукольцом шли остальные строения. Одно из них, самое ближнее с правой стороны, скорее походило на мастерскую, остальные три больше на жилища. Местность была освещена не столь хорошо, как наша. Источников света, помимо этого большого и яркого, я насчитал всего штук семь.

– Блум и Гензель, говорят, что это поселение расположено на краю обрыва. Так что не стоит заходить дальше. Неизвестно, что там внизу, и как глубоко он простирается. – Софья не стремилась спускаться вниз. Она просто стояла на вершине, держа фонарь обеими руками и вдумчиво глядя вдаль.

– Тебя это не пугает? – Спросил я. – Ведь здесь тоже жили люди. А теперь их нет. Будто они просто исчезли.

– Если начать задумываться, то в голову приходит много страшных мыслей. Хочется верить, что прошлые жители просто ушли. Ведь Тьма большая. Может, они отправились искать других людей. Или выход отсюда.

При первой встрече Софья показалась мне такой простой,

наивной и немного стеснительной. Но чем больше я говорил с ней, тем умнее, глубже и от того очаровательнее выглядела. За этим милым личиком и почти детским взглядом скрывалось много мыслей.

– Выход. Думаешь, он есть?

– Не знаю. Когда тебе отведена целая вечность, почему бы не попробовать его поискать...

Может и с нами однажды это случится? Когда вечность нам надоест. И мы все отправимся искать выход. И уже другие найдут то, что останется от нас здесь.

– Вечность вечностью, а заставлять Блума ждать не стоит. Идём. – Софья почти бегом направилась вниз, я поспешил за ней, чтобы не остаться на этом холме в одиночестве и без света. Моя фантазия уже показала свою способность рисовать то, что может скрываться в этой темноте.

Чтобы нагнать девушку мне пришлось перейти на ускоренный темп. Мы так и пробежали почти весь путь. Только приблизившись, я обратил внимание, что одна из огромных дверей амбара была приоткрыта, и видимо уже давно находилась в этом положении. Как сдвинуть такую махину человеческими усилиями, представлялось с трудом.

Оттуда нам навстречу вышел Блум. В одной руке он держал фонарь, а другой поддерживал большой свёрток, взвалив его на плечо. Соломенной шляпы в этот раз на нём не было.

– Эй, девочка моя! – Вскрикнул он, заметив Софью, буд-

то они не виделись уже несколько дней. Голос его звучал радостно и добродушно. Могло даже показаться, что он улыбнулся.

Но, когда в его поле зрения попал я, лицо мужчины вновь приняло угрюмое непоколебимое выражение. Блум смотрел на меня пристально и недоверчиво.

– Здравствуйте. – Я хотел было протянуть ему руку, но его обе были заняты, так что вовремя расценил этот знак вежливости, как неуместный.

Блум лишь кивнул в ответ. Вряд ли он был рад меня видеть. Тем более в компании с его подопечной. Софья же будто не замечала этого напряжения, внезапно возникшего между нами двумя:

– Мы с Данте пришли помочь.

Конечно, меня предупредили об этом заранее, но я всё равно не знал, как подготовиться к подобному. Это напряжение отталкивающей аурой окружало Блума, будто устанавливая допустимое расстояние, на которое можно к нему подойти. И расстояние было совсем немаленьким.

– Не нужно. Я сам справлюсь. – Ответил он и направился к дверям мастерской, если это всё-таки была она.

Здоровяк положил свёрток и фонарь перед входом и снял свою шляпу с гвоздя, вбитому в дверной косяк. Он надел её так же, сдвинув на затылок.

– Я уже приготовил нужные инструменты. Сруба нам хватит на ещё один дом. – Он махнул рукой в сторону сложен-

ных брёвен. — Так что идти в лес за дополнительными материалами не придётся. Когда Чиж подтянется, мы займёмся работой. А пока, можете возвращаться назад.

— Ты уверен, что тебе ничего... — Начала девушка.

— Абсолютно. — Ответил он, даже не дослушав. — Идите.

Вероятно, приди Софья одна, Блум позволил бы ей остаться, чтобы просто было с кем поболтать. Но вряд ли он хотел, чтобы я отправился обратно сквозь тьму в одиночку. Что ж, установка контакта не задалась. Хотя мне представлялось, что за работой это будет сделать проще. Вот только до работы меня допускать никто тут не собирался.

— Ладно. Как скажешь. Идём, Данте.

— Внимательнее на дороге. — Крикнул он нам в напутствие.

— Конечно.

Не пробыв в этом заброшенном поселении и пары минут, мы уже двигались обратно.

— Ты уже понял, что он до невозможного упёртый, и спорить с ним так же бесполезно, как ждать здесь рассвета? — Спросила Софья.

— Он во многом непростой человек.

— Это точно.

Всю дорогу назад, мы разговаривали о простых вещах. О фильмах, литературе и музыке, которые мы никогда больше не увидим и не услышим, но которые навсегда останутся в памяти. Наши вкусы, кстати, во многом совпали. Мы говорили друг с другом так, будто просто прогуливаемся по ночью.

му городу. И нет никакой Тьмы, никакого призрачного света, никакой вечности. Будто всё обыденно. И сейчас мы разойдёмся по своим домам и просто ляжем спать. Будто всё как всегда. И никто не умирал.

Вновь проходя мимо того дерева, я напомнил Софье легенду о Сонной долине. О том, что это дерево выглядит так же, как то, под которым похоронили ужасного всадника без головы.

– Может, сейчас он выпрыгнет из могилы на своём мёртвом коне и с обнажённым мечём, чтобы отрубить наши головы? – Говорил я.

Она просила прекратить её пугать, в шутку толкая меня в плечо. Мы оба смеялись. Странно, что в этом месте ещё никто не разучился искренне смеяться. Я просил её спеть что-нибудь, пока мы идём, но в этот раз она совсем упёрлась:

– Может быть когда-нибудь. Но не сейчас. Я уже оплошала с гитарой. Второй раз ты меня на это не подобьёшь...

– Но ты очень хорошо играла.

За разговорами мы оба почти не заметили, как вернулись. Я проводил Софью до её дома.

– Ну что, пока будешь у Анны? – Спросила она.

– Да. Пока да.

– Значит, увидимся позже?

– Увидимся.

Я даже не заметил, что провожаю Софью взглядом, широко при этом улыбаясь. Она скрылась от моих глаз, закрыв за

собой дверь, а я отправился в дом по соседству. И чем дальше я был от Софьи, тем яснее становился мой разум. Будто некая пелена эмоций развеялась, и я снова начал задаваться вопросами.

Прежде чем войти в дом Анны во второй раз, я остановился. Мне нужно было немного побыть в окружении своих мыслей. Обдумать всю эту прогулку, если можно её так назвать. Что это было? Для чего всё это было? И самое главное...

Почему я теперь не могу забыть её улыбку?

Глава V

Я сидел в комнате Ксандера, предоставленной мне в пользование на первое время. Наконец-то в полном одиночестве. В последнее время после прибытия мне уже начало его не хватать. При жизни я страшился этого, но, тем не менее, всегда искал. Одиночество было моей потребностью. Обычно я погружался в свои мысли, как и сейчас, глубоко. Там было так тепло и уютно. Там я чувствовал себя в безопасности. Укрытым от жестокого мира. И не важно, где физически при этом находился. Чаще всего прогуливался своими привычными маршрутами, специально делая лишний крюк по городу, стремясь растянуть время раздумий. Я любил ходить. Может здесь, во Тьме, где нет такого понятия как «усталость», это моё старое хобби обретёт новое дыхание... Нико-

гда не понимал тех, кто боялся сделать лишний шаг. Слишком ленивы ли они были? И как они тогда оставались наедине со своими мыслями? Трудно погружаться в раздумья, находясь в тесном, забитом людьми автобусе или за рулём собственного автомобиля. А может, они просто не хотели мыслить. Может даже боялись... Поэтому людская масса была такой серой и однородной. Такой вязкой. Я плыл по ней, стараясь не тонуть. Иначе бы растворился в этой массе навсегда. Я плыл, держась за свои мысли. Но разве они были не пусты? К чему они вели? Эти мысли появлялись из ниоткуда и туда же возвращались, с диким скрипом пронесшись в моей голове. Лишь редкие задерживались, не давая мне покоя, материализуясь в поступки. Порой глупые. Вроде бы обдуманные, редко я совершал поступки с горяча, в порыве эмоций, но лишь время давало мне понять их истинную ценность. Как итог, множество поступков. Порой правильных. Но правильных, не значит простых... Так странно. Ведь от этого я и сбежал. Но что, если всё это повторится, здесь? Куда бежать тогда? Дальше во Тьму? Вечно убегать нельзя. Вероятно, это может привести в место гораздо хуже.

Интересно, успел ли старик Хрон отметить хотя бы одни сутки с тех пор, как я сюда прибыл? Но за сутки успевают смениться и день и ночь. Здесь же нет ни того не другого. Куда уместнее было бы употребить другое слово, когда-то услышанное мной в старом советском фильме «Письма мёртвого человека».

«Ибо сумерки однообразны. Ведь даже Господу Богу, создавая наш мир, нужно было ориентироваться по времени. Тогда он придумал сутки, ибо в них заключено разнообразие. Я предложил другую единицу времени – «один сумерек», поскольку разнообразие в мире утеряно».

Сумерек. Это слово как нельзя лучше подходило для местного исчисления времени. А разнообразие? Было ли оно здесь? Думаю, да. Есть и сейчас. Разнообразие в нас. Эти люди. Такие разные. Вероятно с разными, но одинаково трагичными судьбами оказались в одном и том же месте. Теперь они пытаются стать семьёй. Так странно, в людях из Тьмы я увидел больше добра и любви к ближним, нежели при свете мира живых. Может, в этом и было всё дело? Может, это нас и объединяло? Стремление нести добро другим. Стремление нести себя. Но в том мире, откуда мы пришли такая щедрость плохо оплачивалась. Мир потребителей. Потребителей, которые не привыкли платить в ответ тем же. Людским добром. А людей, в действительности, в том мире было так мало.

И вот мы все здесь. Те, которые кончились. Таким, как мы, не из чего восполнять свои силы. Мы лишь отдаём всё, пока не истощимся. И вот он, итог. Бесконечная Тьма. Вечная Тьма. Такие, как мы, верят в высшую справедливость. В то, что за все переплетения страданий и благодетелей, они получают по заслугам. Если не в реальном мире, то в ином. И я верил. Но сейчас... Где эта справедливость? Неужто эта

бездна – достойная оплата? Неужто мы ошибались? Справедливость. К чёрту справедливость... Добро пожаловать в тёмный мир.

Мы здесь. Наивные, измученные, уставшие. Пытаемся жить по старым правилам, которые больше не работают. Но где остальные? Где все те, что были здесь до нас? Что если Тьма не бесконечна? Что если она не Вечность? Может тогда рано плясать на руинах надежды... Возможно, справедливость есть, просто всё ещё далеко.

Но мне по-прежнему было тревожно. Исчезнувшее поселение. Растворившееся в потёмках. Сами ли они ушли отсюда? Отправились искать выход? А что если, что-то пришло за ними... На протяжении всего своего существования человеческий род боялся не самой темноты, а того, что может в ней скрываться. Так что же может скрываться в этой темноте? Столь густой, столь давящей и всеобъемлющей. Какими же ужасными могут быть эти порождения страха... С момента прибытия я был полностью опустошён и ещё ни разу не дал воли свое фантазии, не позволил ей повеселиться от души. Представляю, что она может нарисовать мне в таком случае. И если её вовремя не унять, потерять на мгновение контроль, то рассудок окажется замкнут в закольцованном лабиринте ужаса. Но найдя выход, которого быть не должно, покинет меня навсегда. Собственная фантазия в этом мире, очень опасный враг.

Страх – это эмоция, следствие угрозы для жизни. Страх

— сигнал человеку защитить себя, остаться в живых. Но мы уже мертвы. Тогда почему мы способны бояться? Просто по старой привычке? Хотя почти всё мы здесь делаем по старой привычке. Они строят себе дома. Готовят еду. Играют музыку на вручную созданных инструментах. Всё это лишнее в этом мире. Всё это просто по старой привычке...

Наконец я оторвался от своих мыслей. На мгновение. В такие моменты будто пробуждаешься от кратковременного сна, протираешь глаза и смотришь вокруг ясным взглядом. Когда-то этот процесс вызывал во мне разочарование. В собственной голове всегда было лучше, чем в реальном мире. А здесь... Наверное, я ещё не определился.

Как и остальные, бедно обставленная комната. У них не было необходимости в ином. Как и возможности. Лишь самые нужные живому человеку элементы интерьера. Живо-му. Потому что каждый здесь по-прежнему ощущал себя живым. Одно окно, выходящее в поле тьмы. Единственный источник света находился снаружи, висел прямо над окном, и едва просвечивал внутрь сквозь стекло. Я сидел в кресле прямо перед ним. И видел только черноту. Будто в кошмарном сне. Вот только она не пугала. Может даже наоборот, вселяла некое спокойствие. Призывала раствориться в ней и ощутить неведомую живым безмятежность.

У противоположной стены стола небольшая в длину детская кровать. Рядом прикроватная тумбочка. На ней я заметил несколько игрушечных фигурок из дерева. Рука масте-

ра узнавалась сразу. Думаю, Чиж любил этого мальчика, не смотря на то, что тот не был его кровным братом. Члены этой самозванной семьи были друг другу куда ближе, чем многие из настоящих семей, которые я видел раньше. Одни лишь кровь и фамилия не делают людей близкими.

Я поднялся на ноги и подошёл к кровати. Только дерево, больше ничего. Лишь тонкая, покрытая сверху ткань. Скорее похоже на лежанку в какой-нибудь старинной темнице. Я лёг, поджав ноги, чтобы уместиться. Ничего. Никакого привычного расслабления в мышцах. Они больше не напрягались. И я не чувствовал, насколько жёсткое это ложе. очередное странное чувство. Будто смотришь на всё происходящее из своих глаз, телом находясь где-то далеко. Где-то в невесомости. Мы все здесь в невесомости. Мы легкие. Как мыльные пузыри. Мы все здесь нарисованные люди, что никогда не устают. Нарисованные на огромном чёрном полотне.

Мне было известно, зачем я здесь сейчас. Почему один. Чтобы принести в этот мир ещё немного света. Для них это интимный процесс. Все этим занимались, но никто не желал, чтобы их кто-то видел. Они прятались от чужих глаз в своих тёмных комнатах и перетасовывали своё горе, словно карты в очень большой колоде. Этим здесь живут люди. Горе их сюда привело, и горе даёт им свет. Это мир, живущий горем. Но я не мог... Не хотел. Даже не помню, когда в последний раз при жизни лил слёзы. Наверное, ещё будучи ре-

бёнком. А потом, чтобы не произошло, просто не мог. Как будто лишился этой возможности навсегда. Порой хотелось закричать, выплеснуть свою ярость, крушить всё вокруг до тех пор, пока обжигающий внутренности огонь не лишится остатков кислорода и не потухнет. Но не сейчас. Сейчас я был спокоен. И безмятежен. Не из-за того, что опустошён, как раньше. Как при жизни. А потому что все проблемы и переживания остались в прошлом. Действительно в прошлом. Которое отделяла от меня линия смерти.

Я помню последние недели моей жизни. Как бессилен я был. Как трудно было заставить себя подняться с постели, чтобы вернуться к своим привычным делам. Как трудно было найти хоть какие-то причины для этого. Как трудно было делать вид, что всё в порядке, чтобы избежать лишних вопросов. Ужасное чувство, словно чёрная дыра пожирает тебя изнутри. Медленно и больно. Я был истощён. Силы закончились, а новым взяться было неоткуда. Но порой бывали и другие дни. Когда я просыпался, чувствовал себя новым человеком. Знал, что и как нужно делать. Однако чем сильнее рвение, тем быстрее выдыхаешься. Это был только самообман. Чтобы спастись. Вот только спастись мне было поздно.

Первые мысли о самоубийстве были лишь фантазиями в стиле: «А что если бы...» Но многие мои дела начинались с подобных фантазий. Тех, что со временем превращаются в навязчивые идеи. Кажется, что просто ради забавы ты продумываешь план действий, всё до мельчайших деталей. А по-

том рождается вопрос: «Почему бы и нет?»

Всё чаще я брал в руки свой балисонг. Просто вертел в правой руке, скрывая и раскрывая лезвие, вспоминая старые движения. Проводил указательным пальцем по острию. Красная тёплая струйка стекала вниз по ладони. Не выношу вид малого количества крови. Отрезанные конечности, внутренние органы, кровь литрами, у меня это не вызывало отвращения. А всего пара капель была некой странной фобией. Интересно, пойдет ли кровь, если я порежу себя сейчас?

Оставалось лишь закончить некоторые дела. Оборвать контакты. Избавиться от информации. Можно сказать, я подчищал следы. Не хотелось, чтобы после смерти всплыло что-то лишнее. Главное всё сделать быстро и тихо. Как это делают настоящие самоубийцы. Я не был из тех позёров, которые громко кричат на весь мир, что покончат с собой. Такие лишь пытаются привлечь внимание. Они боятся смерти. Я же собирался уйти ради себя, не ради других. Не из-за других. Просто потому что пора. Даже не оставив предсмертной записки. Никто всё равно бы не понял. Я просто собирался уйти. И раз уж на то пошло, пусть для них это останется загадкой. Как и многие мои решения. Те, которые мало кто понимал. Большинству было проще выставить меня злодеем, чем понять.

Я решил делать это днём. Пока окружающие слишком ослеплены солнечным светом и своей въевшейся в мозг обыденностью. К тому же, уходить вот так под покровом тем-

ноты, мне казалось кошунством. Будто совершать грех прямо на руках у матери. Ведь темнота была столь родной мне, на протяжении многих лет. Она укрывала меня и те самые мысли, что водили безостановочные хороводы в моей голове. Никто иной не даровал мне столько жизни как она. Но тьма, которая здесь... Совсем не та. Скорее монстр, который прикинулся кем-то близким тебе и ждёт момента, когда ты поверишь ему, чтобы сомкнуть свои челюсти на твоей шее. Кто знает, скольких это чудовище уже поглотило и когда примется за нас.

И вот настал тот самый день. Солнечный. Как мне и хотелось. Наполненный воспоминаниями о далёком прошлом, когда всё ещё было легко и ясно. О лучших годах. Я словно в последний раз выглянул в лучший мир, которого больше нет, прежде чем заколотить намертво все двери и окна.

Всё это привело меня сюда. В эту Тьму. В эту комнату маленького мальчика, который очутился здесь по каким-то загадочным причинам. И прокручивая всё это в голове, как видеозапись, я вроде бы должен чувствовать боль и тоску внутри, которые слезами и призрачным светом могут выплеснуться наружу. Но их нет. Во мне ничего нет. Словно чувства и эмоции, от которых я так был зависим при жизни, умерли вместе с телом. Вытекли вместе с кровью из сделанного моей рукой пореза. Может, поэтому я не мог до сих пор принять себя одним из них? Потому что они всё ещё были живы, не смотря ни на что. А я? Я был мёртв.

А может я просто устал? Устал постоянно смотреть назад. Возможно, цепь, что держит меня, ещё не натянулась, и позже я осознаю, что не могу уйти далеко. Уставший. Но не мёртвый. И этому уже было одно доказательство. Улыбка девушки, которая так же, как и я, когда-то разочаровалась в жизни. Не справилась с последствиями. Так же, как и я, приложила лезвие к своей руке. Её улыбка. Та самая, когда Софья сбилась во время игры на гитаре. Когда долго и стеснительно молчала, а потом... Улыбнулась, так пристально взглянув на меня. И с того момента, я не могу избавиться от увиденного. Неужели это то, о чём я думаю? Нет. Лучше бы я ошибался. Для меня никогда это не заканчивалось ни чем хорошим. В итоге оставалось лишь бежать...

Но куда бежать теперь? Когда знаешь, что умрёшь, надеешься на некий выход, ведь рано или поздно это всё равно закончится. На что же надеяться, когда ты уже умер, и впереди только чёрная бесконечность?

Нужно быть осторожнее. Хватит повторять старые ошибки. Иначе грош цена моему поступку, который привёл меня сюда. Правда, оказаться в подобном месте, я никак не ожидал. Только чего я ожидал? Не знаю. Так странно. Я совсем об этом не подумал. А ведь раньше всегда старался смотреть вперёд, и старался ничего не пускать на самотёк. Всегда был предусмотрителен. Неужели я настолько истощился, что совсем не подумал о последствиях? Хотя, когда речь идёт о смерти, последствия предугадать сложно.

Они зовут меня Данте. Интересно, сколько сумерек и, составленных из них, лет должно минуть, прежде чем я забуду своё настоящее имя? А может теперь это и есть моё настоящее имя. «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» Прожил я конечно меньше годов, чем подразумевал итальянский поэт, но строчки мне столь близки. Я любил Божественную комедию. И теперь мне нравилось носить имя её автора. Вряд ли мне суждено пройти его путь. Он закончился, не успев начаться. Я человек с чужим именем. Человек без прошлого. Но один ли я здесь выдаю себя кем-то другим? Настоящие ли те имена, которыми мне представились? Люди без тёмного прошлого сюда не попадают. Иначе бы этот мир был светлым, а может даже напоминал бы Рай, в который Биатричи Портинари сопровождала своего возлюбленного Данте.

Ох, где же тогда моя Биатричи?

Кого я обманываю... Никакой я не Данте. Поэт из меня скверный. Только сейчас задумался о своих талантах. Особенно о тех, что могли бы пригодиться здесь. На ум не пришло ни одного. Неужто мне и тут суждено быть бесполезным? Гензель прирожденный лидер, мыслитель, а заодно и следопыт. Анна вполне себе неплохой повар. Чиж отменный плотник. Блум тоже человек труда и смыслит в тяжёлой работе. Софья поёт и играет на гитаре. Все они пытаются внести какое разнообразие в так называемые жизни друг друга. Ксандер всего лишь ребёнок. Но дети порой могут пора-

довать других тем, что они просто дети. Даже старик Хрон, не покидающий своего храма времени, был занят делом. А эта девушка, Лидия... Только сейчас понял, что ничего не знаю о Лидии, кроме того что она много молчит и старается прятать своё лицо. Да и видел я её единожды, когда впервые прибыл в поселение. Видимо, она не покидает своего жилища.

Ненадолго оторвавшись от любимого занятия и вернувшись в эту некую реальность, я заметил, что по-прежнему лежу в том же положении. Подогнутые ноги не устали и не затекли. Всё ещё не привычно ощущать отсутствие каких-то чувств, пусть даже неприятных. Но я всё равно поднялся и принялся расхаживать по комнате. Она была небольшая, максимум пять-семь шагов в одну сторону, столько же в обратную, потом повторить. Раньше я любил ходить, даже когда возможности затяжной прогулки не представлялось. Кому-то это казалось странным, кого-то даже раздражало, а мне нравилось.

Избавиться от ограничений, от тех рамок, в которые тебя ставило твоё собственное физическое тело, об этом я когда-то мог только мечтать. Понимают ли эти люди, какую свободу они получили, скинув плотские оковы? Конечно, это лишило нас простых, низких, животных радостей. Однако новая свобода куда ценнее. Никакой усталости, никаких недугов... Плоть была слаба.

Но из чего бы не был сделан этот мир, он сохранял при-

вычные нам признаки. Если я больше не тело, тогда почему не могу пройти сквозь эту стену? Из чего на самом деле это «дерево»? Всё-таки Тьма – большая загадка. А мы всего на всего дикари, которые всё ещё боятся огня.

С другой стороны у нас есть неограниченное количество времени, чтобы исследовать её. Не нужно передавать знания каким-то другим поколениям. Мы вечные носители информации. Возможно, однажды мы покинем это место и отправимся в неизвестные уголки. Возможно, даже найдём выход отсюда. Возможно, кто-то уже нашёл. Иначе как объяснить, почему здесь так мало людей, если на Земле тысячи человек ежедневно обрывают жизнь самоубийством?

Оказывается, от чего-то я всё-таки могу устать. Совсем забыл об этом нюансе. Слишком долгая циркуляция мыслей вызывает перенасыщение. И это самый мерзкий вид усталости, вызывающий к пустоте внутри. Раньше от этого избавлял сон. А спать я более не был способен.

Вдруг захотелось поговорить с кем-то. Особенно с Софьей. Но не хотелось быть навязчивым. Никогда этого не любил, даже если некоторым людям требовалось моё внимание. Да, были и такие. Как правило, со временем они избавлялись от этой потребности. И оставляли меня. Это был естественный ход вещей. Останься хоть один из них, может моя жизнь сохранилась бы в прежнем виде. Но я никого не виню. Даже себя. Хотя частенько это делал раньше.

Я выглянул в окно. Ничего. Будто Всевышний забыл со-

здать мир за пределами этой хижины. Интересно, мог ли кто-то в этот момент смотреть на меня из этой пустоты? Не могли мы быть единственными обитателями этого места. Появилось желание взять фонарь и выйти наружу. Поискать хоть что-то. Если оно не найдёт меня раньше... Порой долго раздумываешь, прежде чем что-то сделать, а потом делаешь неожиданно для себя самого. Сейчас даже раздумывать не пришлось. Не знаю, всё ли я осознавал. Ощущал себя ни на что не влияющим зрителем. Я открыл дверь комнаты. В доме никого не было. Кто-то, вероятно, сидел у себя, кто-то вообще ушёл. Оно и хорошо. Мне были не нужны лишние вопросы. Я пересёк гостиную, кухню, стараясь по привычке не особо шуметь, хотя звуки здесь распространялись несколько иначе. Вышел наружу и тихо прикрыл за собой дверь. На территории тоже никого не увидел. Я быстро обогнул дом и остановился у того окна, в которое смотрел чуть ранее. До фонаря, что висел над ним, всё равно пришлось тянуться даже с таким большим ростом, как мой. Каким-то чудом мне удалось его снять. Правда, при этом я чуть не уронил его и наверняка бы разбил.

Я повернулся и посмотрел в бездну. Холодную, непроглядную. Такую негостеприимную. Но у меня был свет. Я сделал один осторожный шаг, за ним другой, предельно вытянув вперёд руку держащую светильник. Наконец, обретая уверенность, что земля под моими ногами никуда не провалится, я пошёл быстрее. Всё быстрее и быстрее. Будто знал

куда иду. По моим прикидкам, руководствуясь системой координат Гензеля, я шёл на юго-восток. К чему-то неизвестному и от того пугающему. К чему-то обманчиво пустому. Вглубь иного края, о котором никогда не будет ведомо живым...

Я шёл во Тьму.

Глава VI

Анна

– И знаешь что? Я ухожу!

– Думаешь, я буду останавливать тебя? Катись ко всем чертям! Избавиться от тебя оказалось даже проще, чем я думала!

– Ты ещё заплатишь, сука! За всё, за все свои поганые слова! – С этими криками Уильям выскочил из квартиры, громко хлопнув дверью, что аж «Пейзаж с церковью» Маковского покачнулся и едва не рухнул на пол.

Так ушёл третий муж Анны. Он же последний. Картина не упала, но покосилась. Анна подошла и поправила её, всматриваясь, будто не в рисунок, а в окно, открывающее вид в прошлое. У неё было много таких пейзажей от русских художников, Левитан, Крыжицкий, Васнецов, Саврасов... Все они напоминали Анне о далёком доме, который уже давно перестал быть её домом. Проведённые на родине времена были лучшими, и воспоминания о них всегда согревали уже

немолодую писательницу.

Детские и юные годы Анна провела у своих бабки и деда в Подмосковьё. Родилась же девочка в Риге. Там её мать, будучи молодой советской актрисой, встретила её отца, поляка Василия Тавлинского. Поженившись, они планировали, что Татьяна бросит карьеру после рождения ребёнка и посвятит ему своё время. Василий зарабатывал достаточно, чтобы содержать семью. Но когда Анечке исполнилось три года, молодая мать поняла, что чахнет от семейной жизни. Место Татьяны было на больших экранах. И не смотря на множество заявлений об окончательном уходе, её там всё ещё ждали. Почти год она вынашивала эту идею, прежде чем твёрдо поставить свои условия. Конечно, главе семейства это не понравилось, первоначальная договорённость была нарушена. Но жена была своевольным и настойчивым человеком, настолько, что перестала быть его женой ради карьеры.

Татьяна приложила все усилия, чтобы дочь после развода осталась с ней. Скорее просто ради ещё одной победы, для ребёнка в её жизни места осталось мало. Анна отправилась в деревню Талицы, где несколькими годами ранее её дедушка приобрёл небольшой дом, покинув шумную Москву. С прибытия началась жизнь девочки, а всё, что было ранее, лишь предыстория, оставшаяся где-то за кадром. Отца она больше не видела, даже на фотографиях. Его образ всё же осел в памяти, но такой размытый и неясный, будто из сна. Дочери от него осталась только фамилия. Позже она прогремит и про-

славится, благодаря таланту Анны. Но выросшая девочка так и не узнает, дошла ли эта весть до её отца.

А до того она была лишь ребёнком, сонным взглядом смотрящим на мир и не понимающим всей его сути. Однако не столь много времени прошло, прежде чем суть эта начала ей раскрываться. Каждая новая изученная буква приближала Анну к этому. Научившись складывать их в слова, девочка тут же потянулась к книгам, поглощая все, до которых дотягивалась маленькая детская ручка. Дедушка её, что ранее являлся профессором филологии, имел свою внушительную библиотеку. Не смотря на то, что деревенский дом был не таким уж и большим, он всё-таки выделил для своих книг отдельную комнату. Анна очень хорошо её помнила. Эта маленькая, едва больше чулана, комнатушка, заставленная высокими книжными полками, для неё была гораздо больше и шире. Порой больше целого мира. Хранящиеся на тех полках книги дарили ей шестое чувство, видеть то, чего она никогда не видела своими глазами.

Видела же Анна на протяжении всего детства лишь Талицы. В подростковом возрасте эта деревня казалась ей тюрьмой. Местом, отрезанным от цивилизованного мира, в котором кипит жизнь. Тогда она хотела кипеть вместе с ней. Пропускать через себя этот жар и словами на бумаге высвободить его из себя. Но спустя годы, находясь в самом сердце душного и пыльного Чикаго, Анна мечтала вернуться назад. Не просто в то место, но и в то время. Она мечтала о летнем

солнечном утре. О свежем прохладном воздухе, прежде чем он раскалится июльским солнцем и начнёт давить на грудь. Ей вновь хотелось выйти во двор, услышать пение птиц и обвести взглядом открытую взору сельскую местность. Старые покосившиеся избы по соседству, засеянные до самого горизонта поля, столетняя церковь Новомученников... Эти виды Анна запомнила на всю жизнь и всегда возвращалась к ним, заключенным в оковы воспоминаний.

Возвращалась в ту самую маленькую библиотеку своего дедушки. В ней она пряталась от набирающей силу летней жары. Открывая дверь в эту комнатуньку, Анна попадала в новый безграничный мир, скрытый в неисчислимом множестве словесных сочетаний. Солнечные лучи, лабирующие между книжными полками, обнажали несвергаемое царствие пыли, заполнившее помещение до самого верха, чей запах, смешанный с запахом старых книг, писательница все эти годы ассоциировала со своим детством.

А запахи, виды и звуки, что окружали её в Чикаго, будто были лишены своей души. Представляли собой подделки, пытающиеся скопировать настоящие, но не способные скрыть свою пустоту, так как никогда ими, по сути, не являлись. Чужой город, чужой язык, чужая земля, отделенная от родного ей дома чужим океаном. Она провела здесь почти столько же лет, сколько и на родине, но так и не привыкла к этой жизни. Её душа была так же пуста, как и эта квартира на Вест-Гранд-Авеню. Анна перестала писать. Она просто кон-

чилась. Сколько раз писательница садилась за свой компьютер, открывала чистый белый лист, но сколько не скиталась по собственным мыслям, этот лист так и оставался пустым. Всё, что могла родить её фантазия, уже родилось. И «дети» по-прежнему читались, продолжали приносить писательнице деньги. Но ни деньги, ни слава не могли заполнить той пустоты, что осталась на месте её иссякшего дара. Хотя может он ещё не исчерпал себя. Может, вернувшись в тот старый дом, в ту пыльную библиотеку, сев перед открытым окном, как когда-то с открытой тетрадью на коленях и карандашом в правой руке, Анна вновь ощутила бы этот прилив. Мысли, трансформирующиеся в слова. Слова, складывающиеся в текст. Текст, плавно превращающийся в историю. Историю, будто родившуюся самостоятельно, в то время как писатель лишь посредник. Но не осталось больше ни той библиотеки, ни множества книг, которыми были заставлены её полки. Не осталось даже того старого дома. Оставался лишь белый лист, который день за днём продолжал быть пустым.

Много лет назад, кажется, будто даже не в этой жизни, Анна думала, что поток её фантазий не иссякнет никогда. Ей не хватало времени на всё, её просто разрывало от идей. Она боялась, что одной жизни будет не достаточно, чтобы перенести их всех на бумагу. Как же Анна ошибалась в той прошлой жизни.

Пусть и заочно, её наставницей и примером подражания была самая публикуемая за всю историю мира женщина,

Агата Кристи. Именно она первой попала девочке в руки, когда та полностью овладела пониманием слов. Она пробовала в будущей писательнице дремлющий талант и желание творить. На её романах и рассказах девочка училась, с ними она отдыхала от иного чтения. Каждый раз будто беседовала с близким другом. Но, увы, поговорить с кумиром живую Анне так и не удалось. Королева детективов скончалась несколькими годами раньше, прежде чем у её преданной поклонницы появилась такая возможность. Для новоиспеченной писательницы это была весьма печальная новость. Однако смерть Кристи дала ей нечто другое. Цель. Она пообещала себе взойти на пьедестал столь же высокий, как у её английской наставницы. Анна прочитала все 66 романов, некоторые из которых по несколько раз, и множество рассказов Агаты. Первое время, совсем молодая девушка, делающая неуверенные первые шаги, копировала стиль кумира, но позже её поступь окрепла, и рука писательницы обрела собственную личность. Дотянуться этой рукой до поставленной цели, до того заоблачного уровня ей так и не удалось. Перед самым концом Анна осознавала это, как никогда раньше. Понимала, что замахнулась на слишком многое.

«Интересно, есть ли где-то такая же маленькая девочка, которую романы Анны Тавлинской подтолкнули на первый творческий шаг?», – иногда думала писательница. Если где-то есть хотя бы одна, то всё это было не напрасно. Анна стала известной, стала читаемой, но стала ли она значимой? Вряд

ли.

Агата Кристи была не единственной женщиной, её вдохновлявшей. Были Цветаева и тёска Ахматова. Их стихи всегда отзывались чувствами в сердце девочки и побуждали творить в порыве эмоций. Однако Анна никогда не владела рифмой. Её стихи всегда выходили какими-то неуклюжими и кособокими, невыразительными и спотыкающимися на собственных строчках. Порой даже автор, перечитывая их, не сразу улавливала тот ритм, что имели её стихотворные произведения. Приходилось возвращаться к первой строчке, начинать сначала, и лишь со второго или третьего раза стих читался ровно и без запинок. Но, несмотря на некую невыразительность, поэтические произведения Анны всегда были искренними, полными чувств и переживаний. Всё это заставляло писательницу держать их вдалеке от людских глаз. Пережив особо эмоциональный возраст, она вовсе отказалась от стихов, наконец, уразумев, что рифма, скорее её слабая сторона. Однако те неровные стихотворения всё же сохранила. В своей записной книжке в кожаном переплёте. Спустя столько лет, её страницы пожелтели, а чернила потускнели.

Тогда же листы были белыми, чистыми. В тот день, когда мать привезла ей этот блокнот. Она появлялась нечасто. Всегда с подарками, всегда с улыбкой на лице. Куда чаще девочка видела маму на экране телевизора. И каждый раз это была другая женщина. Ненстоящая. Лишь играющая роль. Анне

порой казалось, что даже живую она не переставала играть. Исполнять роль любящей матери, навещающей дочь лишь изредка, между съёмками в разных фильмах. Всего один раз она видела настоящую Татьяну, наконец ставшую собой, но только на смертном одре.

А старый истрёпанный, исписанный от начала до конца, дневник всегда был рядом. Лежал в настенном сейфе, что спрятан за книжной полкой. И, пожалуй, это самая дорогая вещь, что осталась у Анны. Ведь в дневнике запечатлелись её давние чувства, эмоции, мысли, выраженные в стихах и черновых записях. Писательница знала, что после её смерти эта старая записная книжка будет стоить немалых денег.

Первые рассказы Анны читатель увидел лишь после того, как она поступила в университет. До того дня никто и понятия не имел, что они были далеко не первыми. Начался творческий путь девочки, когда она ещё училась в старших классах. Писала она в основном по ночам, допоздна закрываясь в дедушкиной библиотеке. Писала в обычной толстой тетради, от руки. Утром сонная и измученная отправлялась в школу, что находилась в трёх километрах от дома. Первые два урока всегда клевала носом. Но, не смотря на это, никогда не изменяла своим привычкам. Анна не могла заснуть, не написав хотя бы двух-трёх строк. Проблема была в том, что ими она не могла ограничиться и порой увлекалась так, что лишь первые лучи восходящего солнца возвращали её из собственных фантазий в реальный мир. Вот только ради

чего были все эти бессонные ночи и куча исписанных тетрадей? Никто ведь так и не увидел того, что там было написано. Может оно и к лучшему. Позже Анна стыдилась своих первых рассказов. Ведь написаны они были юной глупой девочкой, которая совсем не знала настоящей жизни. И рассказы те были же столь наивными, как и она сама.

Может это так и осталось бы её ночным хобби на всю жизнь, и не стало бы самым главным делом. Но университет всё изменил. Даже не сам университет, а тот человек, которого Анна там встретила.

– Прошу прощения, можно присесть с вами?

Голос был ей знаком, но слишком сильно она углубилась в «Notre-Dame de Paris», чтобы сразу опознать говорящего. Девушка подняла глаза, оторвавшись от книги. Это был он. Константин Дмитриевич. Высокий брюнет с тёмно-зелёными улыбающимися глазами.

– Да, конечно, присаживайтесь. – Анна побоялась, что её голос прозвучал слишком неровно и волнительно.

– Благодарю. – Константин сел напротив, повесив свой пиджак на спинку стула. Этот весьма симпатичный молодой человек был аспирантом, прибывшим из Ленинграда на преподавательскую практику. По вторникам он вёл в группе Анны философию. Благодаря своей внешности, элегантности и обширным знаниям будущий преподаватель пользовался успехом среди всех девушек факультета. Но в тот солнечный

день судьба свела его именно с Анной. – Сегодня здесь много народа.

– Ага. – Она отхлебнула кофе и поставила чашку обратно на блюдце, стараясь выглядеть непринуждённо. – Большой перерыв после второй пары. В это время здесь всегда собирается много студентов. – Кафе «Маргаритка» находилось буквально за углом и по своим ценам было вполне доступно для местных студентов. Она сама любила это заведение. Не смотря на почти постоянную многолюдность, здесь всегда было тихо, но не одиноко.

– Если я не ошибаюсь, вас зовут Аня. Да. Аня Тавлинская. Девушка лишь улыбнулась. Анна знала, что Константин сел рядом не потому что она ему приглянулась, а потому что в кафе более не было свободных мест, а она оказалась единственным хоть сколько-то знакомым лицом.

– Да, Константин Дмитриевич, вы угадали.

– Прошу, называйте меня просто Константином, мы ведь не на занятии.

– Как скажете, профессор.

Так она назвала его ради насмешки, но не из вредности, не желая обидеть. И Константин был достаточно умен, чтобы понять это. Они лишь рассмеялись, вместе. И этот по-детски чистый смех двух молодых людей положил начало очень многому.

Анна вспоминала тот день, будто он был вчера. Тёплый,

солнечный, счастливый день. Возможно, таких было бы ещё много в её жизни... Но она сама всё разрушила. Собственно-ручно. Амбиции не позволили Анне остаться обычной, быть счастливой тем, что имеет. Когда ей пришлось выбирать между любовью и славой известной писательницы, Анна сделала неверный выбор.

Прошло много лет прежде, чем она это осознала.

В те годы Анна понятия не имела, что её ждет, и считала любовь – главным в жизни. Именно из-за любви она поссорилась с людьми, которые вырастили и воспитали её. Дедушка, бывший профессор, благодаря старым связям без труда устроил внуку на факультет, где сам преподавал много лет назад. Девушке нравилось учиться, нравилось быть филологом, нравилась Москва. Но непреодолимая тяга к одному человеку разом перечеркнула всё это. А человек тот тянулся к ней в ответ.

В конечном итоге Анна бросила учёбу и свою семью, сбежав с Константином в Ленинград. Дед больше не желал её видеть, даже не хотел признавать свою внучку после такого поступка. Она же, одурманенная счастьем, считала, что правда за ней. О смерти самых близких членов её семьи Анна узнала спустя несколько лет, находясь далеко за океаном, в Нью-Йорке. После весьма неожиданной кончины дедушки тоска подточила и без того слабое здоровье его жены. Бабушка скончалась спустя несколько месяцев после своего супруга. Единственная внучка не успела вернуться к похоронам,

но всё же приехала так быстро, как смогла. Тогда же в родном доме она впервые за долгое время повстречала мать, которую едва узнала. Время совсем не пощадило Татьяну. Не пощадило оно и её актёрскую карьеру. Татьяна была угасающей звездой. Дом в Талицах, который до той крупной ссоры предназначался внучке, перешёл в руки дочери, и она планировала продать имение своих родителей. Анна же считала, что у неё есть всё, и в этой деревне её более ничего не держит. Лишь оказавшись так далеко от родины, спустя столько лет, она поняла, как сильно тогда ошибалась.

Известность к Анне пришла в Ленинграде, благодаря Константину. Он был первым человеком, которому она смущённо и с неохотой предоставила на суд свои творения.

– Ты должна, опубликовать это, дорогая. – Сказал он как-то утром, после ночи, проведённой за чтением.

– Правда? Я не уверена...

– Я буду самым гнусным и презренным человеком в мире, если позволю твоему таланту угаснуть.

Воспользовавшись старыми связями отца, Константин всё-таки увидел рассказы своей молодой жены на страницах одного крупного литературного журнала. Окрылённая множеством хвалебных отзывов, Анна решилась начать свой первый детективный роман. Спустя год «Шёпот пропавшего человека» прославил имя писательницы на всю огромную страну. Рука и талант её окрепли. Последующие романы стали смелее и взрослее. Влияние наставницы в этих строках

чувствовалось всё меньше. Наконец Анна Тавлинская обрела свой собственный стиль, который пришёлся публике по душе.

Трижды она выходила замуж, два раза брала фамилию супруга, но подписывалась всегда той фамилией, что досталась ей от отца. Для всего мира Анна навсегда осталась Тавлинской. В СССР это имя звучало так громко, что отголоски пересекли океан и попали в уши тех, кто знал, что делать с этим талантом. Советский народ читал четвёртый роман Тавлинской, а сама она дописывала уже пятый, когда ей поступило предложение из Нью-Йорка. Одно узнаваемое в мире американское издательство желало получить права на перевод её романов и публикацию в Штатах. Анне предстояло впервые покинуть пределы родной страны. Для неё это была очередная ступень вверх, на высоту, на которой не так давно сама себе пообещала оказаться. И второй раз в этой жизни ей пришлось чем-то пожертвовать. Чем-то дорогим. Константин не мог оставить преподавание в университете и не мог отпускать свою любовь в одиночку на другой конец света. Очередная ссора перед отъездом. Снова близкие люди оказались разделены. На этот раз водами Атлантики. Это была вторая большая ошибка Анны в жизни.

Она стояла на набережной, облокотившись на каменное ограждение и покрепче укутавшись в пальто. Ночь была холодной, но спокойной и ясной. Водная гладь залива будто

дремала в своей безмятежности, отражая, подобно чистейшему зеркалу, яркий свет звёзд. Странно, что Себастьян выбрал это безлюдное место в столь поздний час. Но оно не казалось опасным. Городок был столь же тих, что и эта ночь. Ей понравился штат Мэн. Последние пару дней Анна пребывала здесь с презентацией своей новой книги. Теперь английский стал языком, на котором её произведения выходили в первую очередь. Впереди ждали ещё много штатов. Она уже очень устала и хотела остаться в этом тихом месте, купить домик на берегу залива и заняться новым романом. Только не таким, как предыдущие. Хотелось написать что-то простое и доброе, без убийств и заговоров.

– Я боялся, что ты не дождёшься.

Она обернулась, Себастьян стоял в пяти шагах от неё. В левой руке он держал нечто похожее на небольшой чемодан.

С Себастьяном Риштером Анна познакомилась не так давно. Он владел крупной сетью книжных магазинов по всей Америке. В одном из таких они и встретились во время очередной презентации детектива «Повешенные». В отличие от предыдущего возлюбленного Себастьян одобрял стремления и цели писательницы. В момент слабости, когда в далёкой стране было одиноко и всё чуждо, она мгновенно разглядела в этом человеке родственную душу.

До момента их встречи Себастьян был ещё тем трудоголиком, почти ничего не знал, кроме своей работы. Но, встретив Анну, старался посвящать ей все свои свободные минутки.

Себастьян знал, как она не любит эти презентации с бесконечными поездками и всё новыми людьми, чьи лица моментально стираются из памяти, заменяясь другими. В этот раз дела помешали ему поехать вместе с возлюбленной, но он пообещал нагнать её сразу, как разделается с работой. И вот они встретились в Мэне, поздней ночью на тихой набережной, где Себастьян сам назначил встречу.

– Наконец-то ты здесь, я скучала по тебе.

Он подошёл и приобнял её свободной рукой. Второй поставил свою ношу на каменное ограждение.

– Почему ты заставил ждать меня тут, на таком холоде? – Спросила она. – Разве ты не мог приехать в мотель?

– Мог. Но я хотел, чтобы эта ночь стала для нас особенной. – Себастьян взял её руку и положил в свою.

Анна почувствовала что-то лежащее в его ладони, что-то бархатное на ощупь.

– Открой это. – Сказал он.

Она взглянула на маленькую коробочку, прежде чем поднять крышку. Тёмно-синяя. Анна уже начала догадываться, что в ней. Открыв крышку, она увидела белый свет уличного фонаря, отражённый в небольшом камушке на золотом кольце.

– Ты выйдешь за меня? – Услышала она голос Себастьяна.

– Да. – Анна ответила, даже не раздумывая, в порыве души. – Боже, конечно, я за тебя выйду.

Он улыбнулся, а затем забрал коробочку из рук Анны и

сам надел кольцо на её безымянный палец.

– А теперь позволь мне пригласить тебя на танец. – Себастьян потянулся к чемодану, который на самом деле оказался переносным проигрывателем.

Он нажал кнопку «play» и из динамиков тихо полилась «Annie's song» в исполнении Джона Дэнвера. Себастьян взял любимую за руку, а вторую ладонь положил ей на талию, и вместе они закружились в неспешном романтическом танце. В этот момент Анне казалось, что сейчас она счастлива. По-настоящему счастлива. Что больше не молоденькая наивная девочка, ослеплённая своей влюблённостью. Теперь она действительно человек, у которого есть всё. И даже то, что ей пришлось пережить совсем недавно, окончательно осталось в прошлом. Ей так казалось.

А перед этим ей пришлось пережить весть о смерти бабушки и дедушки. Пришлось вернуться на Родину и пережить холодную встречу с матерью. Пришлось заглянуть в Ленинград и попросить развод у своего первого мужа. То была весьма непростая беседа. Но всё это лишь убедило Анну, что последние связи разорваны, что более её тут ничего не держит. От того сильнее хотелось вернуться к столь близкому Себастьяну и навсегда забыть прошлую жизнь.

Ей почти удалось. Почти удалось раствориться в своём счастье. Жаль, продлилось оно недолго. Совместная поездка по Штатам, от восточного побережья до западного, затем от-

пуск во Франции. Всё это было похоже на сказку, о которой в детстве она могла лишь мечтать перед сном. Только пламя это начало угасать. Стремительно. Не между ними. Оно угасало в самой Анне. Как бы высоко она не поднялась, цель её находилась гораздо выше, и останавливаться писательница не собиралась. Только ради этого было необходимо приносить всё новые жертвы. Делала она это будто бы машинально. Словно рутинную часть своей работы. Себастьян любил её. По-настоящему любил. Поэтому и был вынужден уйти. Очередная попытка создать семью провалилась. Для Анны семья стала бы бременем. Она вновь углубилась в своё творчество.

– Ты живёшь своей работой. – Сказал Себастьян, прежде чем уйти. – Всё остальное для тебя, лишь временные увлечения, кратковременные порывы чувств. Ты не способна на настоящую любовь.

Её второй муж был прав, но далеко не сразу она поняла это. Выбрав карьеру писательницы, выбрав славу, Анна потеряла всё. Осознала это, только когда последние капли творчества иссякли. И что осталось у неё после? Знаменитое на весь цивилизованный мир имя Анны Тавлинской, несколько десятков изданных романов, ежемесячные процентные отчисления с их продаж и всё ещё недостигнутая цель. Так стоило ли ради всего это класть на жертвенный алтарь то остальное, что предлагала ей жизнь?

Несколько лет она будто провела в творческом анабиозе,

не отвлекаясь ни на что другое и выпуская роман за романом. Лишь единожды ей пришлось сделать паузу и вернуться в ту страну, где родилась. Вернуться к больной умирающей матери. Для Анны это была скорее формальность. И без того далёкая женщина за последние годы вовсе стала ей чужой. Стоило после похорон сесть на самолёт и подняться в воздух, как всё вновь вернулось к прежней обыденности. Каждый обыденный день приближал её к той цели, что поставила та жизнерадостная девушка из Ленинграда, счастливо живущая со своим первым и единственным любимым человеком, с которым собиралась провести всю свою жизнь. Только больше не было никакой девушки.

Пробудившись от своего писательского сна и взглянув на себя, Анна увидела уже немолодую одинокую женщину. Именно в тот момент судьба будто бы подкинула ей последний шанс Уильяма Бренера. Это больше не была первая наивная влюблённость и не пылкая любовь двух родственных душ. Это скорее походило на союз двух стареющих людей, которые ещё были способны утешить друг друга. Вот только, как и все люди, оба они имели изъяны, которые не собирались прятать друг от друга. Поначалу всё было хорошо. Конечно, не так волнительно и не так чувственно, как в молодости. Они были уже стары для всей этой романтики. Уильям, директор небезызвестного рекламного агентства, являлся человеком умным и способным поддержать разговор. Им было хорошо и спокойно вместе. Настолько, что оба ре-

шились снова связать себя узами брака, дабы не встречать свои золотые годы в беспросветном одиночестве.

Но вскоре история вновь повторилась, став очередным доказательством того, что отношения для Анны это лишнее. Она снова терялась в собственных историях, оставляя за бортом реальный мир. Обитала в нём лишь частично, мысленно живя в своих фантазиях. Уильям оказался человеком не столь понимающим, с коими ранее была связана Анна. Наоборот он оказался эгоистичным и вспыльчивым. Новый муж не желал ограничиваться лишь внешней оболочкой своей второй половинки. А упрямая жена не желала отступаться от своих целей. Последний роман она заканчивала, постоянно прерываясь на ссоры. Ещё никогда в жизни ей не приходилось так часто и так сильно поднимать голос.

Книга всё-таки была закончена и отправлена в печать, впоследствии получив прохладные отзывы. Критики уже начали пророчить закат звезды детективов. Но звезда не закатилась. Она потухла. Быстро и неожиданно для всех. Конец пришёл и бесконечным ссорам, которые не могли повторяться всё снова и снова. Уильям ушёл, громко хлопнув дверью.

Она осталась одна, в большой пустой квартире. В Чикаго, где встретила последнего мужа и где осталась ради него. Одна среди мыслей, которые должны были прийти к ней гораздо раньше, и возможно ещё что-то спасли бы. Но на тот момент уже было слишком поздно. Она поняла, что замахнулась на слишком многое, что поставленная цель недости-

жима. А ставить новую цель, начинать всё сначала, у неё уже не осталось сил. Анна поняла, что загнала себя в тупик, где её собственные мысли, подобно стае пираний, будут медленно и болезненно её пожирать. Пустой белый лист на экране монитора стал символом всего, что она потеряла, принеся в жертву ради своих воздушных замков.

Бесконечная тьма оказалась столь же обманчивой на вид, как и красивая жизнь, о которой она когда-то мечтала и которую в итоге получила. Там, где, по сути, не может быть ничего, Анна обрела людей, которых никогда не имела при жизни. Здесь она встретила друзей, и что самое главное, тех двух мальчиков, ставших ей сыновьями. Так резко сменив роль рьяной карьеристки на заботливую матушку, Анна вдруг почувствовала покой и удовлетворение. Стремись она к этому при жизни, то, может, всё сложилось бы иначе.

Анна сидела в своей комнате, покачиваясь в кресле-качалке, которую для неё смастерил Чиж. Она более не могла спокойно и неподвижно сидеть на одном месте. Это напоминало ей тот последний вечер, когда писательница сидела в кресле в тёмной пустой квартире и смотрела на свисающую перед ней с потолка петлю.

Анна ослабила платок на шее и спустила его немного ниже, потрогав след от верёвки, что остался с ней навечно.

Дверь в её комнату тихонько приоткрылась, и в проёме бесшумно показался Ксандер. Анна сразу заметила святя-

щиеся призрачные следы на его лице. Вид у мальчика был очень расстроенный. Как и множество раз до этого.

– Ну, иди ко мне.

Он взобрался к ней на колени. Может ростом ребёнок уже был велик для этого, но внутри Ксандер в такие моменты становился ещё в два раза моложе. К тому же во Тьме это не доставляло проблем. Будь то необходимо, Анна усадила бы к себе на колени и плачущего Виктора.

Из глаз Ксандера покатились новые капли света. Анна утёрла их своей ладонью, а затем прижалась губами к макушке мальчика.

– Я скучаю по ним.— Дрожащим, совсем детским голосом прошептал он.

– Я знаю.

– Это я виноват. Они умерли из-за меня...

– Тише. Не нужно так думать.

– Но это так. Это правда.

Больше слов не последовало. Мальчик рыдал, уткнувшись ей в грудь. Это происходило по одному и тому же сценарию уже неисчислимое количество раз. И каждый последующий отзывался Анне болью внутри. Но она не могла ничем помочь. Если он тоже оказался здесь, то уже было поздно помогать. Для всех здесь Ксандер был загадкой. Но в отличие от остальных Анна знала. Он сам ей открыл. Она знала его разгадку.

Глава VII

Я старался быстрее спускаться вниз, но при этом каждый шаг делал с особой осторожностью. Не хотелось тоже полететь кубарем и потерять второй фонарь. Под ногами периодически слышался хруст стекла, оставшегося от первого. Трава, по которой разлился «свет», испускала дым и тлела, оставляя тёмного цвета почти ровную дорожку.

– Ты её уже видишь? – Послышался сверху голос Чижа.

– Я тут, продолжай спускаться и никуда не сворачивай! – Откликнулась Софья с противоположной стороны, в самом низу.

Один осторожный шаг, второй, третий, вот уже десяток, вот уже несколько. Я всё спускался и спускался. Где же там низ, и когда этот склон упрётся в прямую поверхность?

– Ты немного сбился! – Снова послышался голос Софьи. – Возьми чуть левее! – Я будто стоял на месте, так как голос её был столь же далеко, как и мгновениями раньше. Но я хорошо знал, что звуки здесь разносятся совершенно иным образом. Ни один из наших криков не откликнулся эхом.

По пути я вспоминал мою недавнюю прогулку сквозь Тьму. Но тот путь был не столь сложен. А в конце я нашёл нечто, чего никак не ожидал...

– Ты совсем близко, Данте! Да! Теперь иди прямо! И смотри под ноги! Тут много торчащих наружу корней!

Через один я всё-таки споткнулся, но смог удержаться на

ногах. Разбей я этот фонарь, и вся надежда осталась бы на Чижа, который стоял там, наверху. Но если бы и он по пути потерпел неудачу? Нам бы втроём пришлось вечность блуждать в темноте. Озарённое призрачным светом лицо Софьи возникло передо мной будто из ниоткуда, я едва не вздрогнул от неожиданности:

– Ох, наконец-то. Ты не представляешь, как жутко стоять тут одной, в крошечной тьме.

Я представлял. И даже был рад, что не пришлось быть на её месте. Нас ждал путь обратно наверх. Явно не из простых. Тьма тьмой, а своя гравитация у неё всё же была. Именно благодаря ней, Софья полетела вниз, с этого склона, заодно разбив свой фонарь.

– Какое счастье, что мы уже мёртвые. Я бы точно сломала себе шею, пока падала. Или расшибла голову, об то дерево, в которое врезалась.

– Жёстоко вышло. – Ответил я.

– И не говори. А всё из-за того придурка, что остался наверху.

– Брось, мы все в этом виноваты.

– Но дорогу перепутал именно он...

Я двинулся, ориентируясь на фонарь Чижа, будто на свет маяка. Софья шагала след в след чуть позади меня. В принципе она была права, самоуверенность Чижа привела нас в эту глушь. Вообще, тут везде была глушь, но эта к тому же и незнакомая, из которой нам ещё предстояло найти обратную

дорогу. А полагаться нам вновь оставалось только на Чижа, так как я всё ещё оставался в этих местах новичком, а Софья на следопыта явно не тянула. Но перед этим требовалось подняться обратно на дорогу, что оказалось весьма непросто. Оступись кто-то из нас двоих и путь придётся начинать по новой, с самого низа.

– Ну, ты готова? – Спросил я девушку.

– Вперёд. – Решительно ответила она.

Я пропустил её перед собой, чтобы поймать в случае неожиданного повторного спуска. Тот факт, что силы наши здесь были неограниченны, очень помогал, ибо подъём казался ещё круче, чем по пути вниз. Порой приходилось опускаться на четвереньки, чтобы преодолеть тот или иной участок. Софья упорно шла вперёд, периодически срываясь, но каждый раз удерживалась. Карабкаться ей удавалось ловко, пару раз она даже помогла мне, взяв под руку. К тому же мне приходилось держать фонарь, высвечивая путь, и быть с ним аккуратным, дабы не уронить. Чиж уже встречал нас наверху. Сначала он помог взобраться Софье, а затем они вдвоём вытащили меня, как раз в тот момент, когда моя нога поехала вниз, и я потерял равновесие.

Снова мы трое стояли на самом краю того обрыва, будто ничего и не было. Но Софья отказалась забывать не столь старые обиды:

– Пойдёмте короткой дорогой! Я знаю эти места, как свои девять с половиной пальцев! Сегодня я чувак – крутой про-

водник! – Начала она передразнивать Чижа, чуть повысив голос. – Ты идиот! Может, скажешь, где мы теперь, чувак – крутой проводник?! – Уже во второй раз я видел её той сильной непоколебимой женщиной. Только теперь ещё и разозлённой.

– Ну да, может я чуть-чуть оплошал. Но что ты начинаешь сразу кричать? Даже не дала мне времени подумать.

– Ох, да, прости! Прости, что так нагло и дерзко прервала твои раздумья, свалившись с этого обрыва!

– Под ноги надо было смотреть! И не ломиться вперёд, не зная куда!

Не особо хотелось вступать в их разборки, но уже за много лет до конца своей жизни я понял, что крики никогда проблем не решали. А проблема у нас была, серьёзная. С ней нужно было что-то делать. Для начала успокоить этих двоих.

– Хватит. Прошу перестаньте. – Начал я спокойным голосом, но всё же пришлось его повысить, чтоб перекрыть эту парочку. – Хватит! Оба, прекратили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.